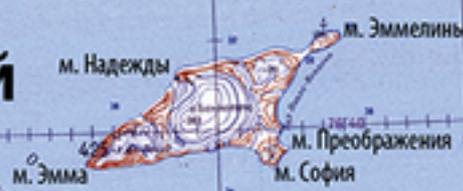

Ю. В. Чайковский

Мысы Ледовитого напоминают

Издание второе
исправленное и дополненное

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ МОРЕ

м. Благовещенский

м. Высокий

м. Жилой

м. Гористый

м. Плоский

м. Пестрый

м. Гравий

м. Рожина

м. Утёс Деревянных Гор

Юрий Чайковский

Мысы Ледовитого напоминают

«Товарищество научных изданий КМК»

2015

УДК 821.161.1-94(081)Чайковский Ю.В.
ББК 84(2=411.2)6-442я44

Чайковский Ю. В.

Мысы Ледовитого напоминают / Ю. В. Чайковский —
«Товарищество научных изданий КМК», 2015

ISBN 978-5-9500591-3-1

В пяти очерках и повести рассмотрено шесть давних проблем истории освоения российской Арктики, либо затрагиваемых учеными и писателями редко и поверхностно, либо не затрагиваемых вообще. С привлечением всех опубликованных документов показано, что многие «общеизвестные» и «достоверные» утверждения не имеют никакого обоснования и гуляют из книги в книгу с тех пор, когда о соответствующих темах ещё было мало известно, а сама тематика часто была опасной для изучения. Главное внимание уделено не пройденным расстояниям и достигнутым широтам, а некогда живым людям с их помыслами, страстями, слабостями, а порой и преступлениями. Автор старался показать, что для понимания прежних событий мало знать «факты», т. е. свидетельства, а следует привлечь весь наличный арсенал средств исторической науки. Для всех, кому интересны Арктика, судьбы необычных людей и страны. Во втором издании исправлен ряд ошибок, в том числе существенных, добавлены снимки, карты и литература, дано много разъяснений, учтены замечания специалистов.

УДК 821.161.1-94(081)Чайковский Ю.В.

ББК 84(2=411.2)6-442я44

ISBN 978-5-9500591-3-1

© Чайковский Ю. В., 2015
© Товарищество научных изданий
КМК, 2015

Содержание

Пролог	8
Очерк 1	18
1. Загадочные карты	20
2. Мозаика событий и картина явления	25
4. Остров Груланда и СВ-проход	27
5. Северо-восточный проход и его безвестные герои	28
6. Первые успешные зимовщики	31
7. История и климат	32
8. По русским рекам – в Китай	38
9. Западные корабли на Оби	40
10. И всё же СВ-проход действовал	41
11. Ямальский волок	45
12. Тобольский Герострат	47
13. Попытки освоить СВ-проход и открытие океанского пути	49
Очерк 2	54
1. Место гибели и самые разные вещи погибших	56
2. Кто они и как сюда попали?	61
3. Охота на соболей и на людей	65
4. С краденым богатством – в ледяной ад	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ю. В. Чайковский

Мысы Ледовитого напоминают.

Исторические очерки и повесть

*Памяти Зиновия Михайловича Каневского (1932–1996),
героического полярника и необыкновенного человека*

Издание второе, исправленное и дополненное

Товарищество научных изданий КМК

На корешке:

слева – северная часть Евразии на англ. карте 1690 года: сплошной морской берег между Атлантическим и Тихим океанами; пролив Карские Ворота отсутствует,

справа – урочище Юдомский Крест на космич. снимке. См. Прилож. 11 к Очерку 4.

На передней обложке:

Акватория пути А. В. Колчака в шлюпке открытым морем, август 1903 г.

От мыса Высокого до мыса Эмма 137 км.

Мысы Эмма, Эммелины и София названы героями Арктики в честь своих жён и невесты. А мыс Надежды? О нем см. Повесть, конец главы 3.

Мыс Преображения назван Колчаком 6 (19) авг., в день Преображения Господня.

Мыс Жилой – это бывший мыс Вознесения, куда Колчак и его спутники пристали на вельботе в бурю, настигшую их на обратном пути с острова Беннета

На врезках:

вверху – Флаг «Зари»;

слева внизу – «Заря» на первой зимовке [Колчак, 1909, с. 169]. Перед нею виден прили-
вомер.

справа внизу – крест в память столетия спасательного похода Колчака. Установлен на юге
восточного берега острова Беннета (2003 г.)

На задней обложке:

Долина истоков рек: М. Анюя, Чауна и Анадыря (объект 7 на карте перед титулом)

На врезках:

вверху – Чукотка на франц. карте Г. Делиля (1706 г.)

внизу: «Экспедиция Дежнёва» (художник Клавдий Лебедев, ок. 1900 г.)

Обозначения

АК – Адмиралтейств-коллегия

АН – Академия наук; РАН – Российская АН

АР – Азиатская Россия (трехтомник, 3-й том – указатель и список литературы). СПб.,
1914

ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники (журнал, Москва)

ВКЭ-1 – Вторая Камчатская экспедиция. Морские отряды (сборник документов), том 1.
М., 2001

ВКЭ-2 – То же, том 2. СПб., 2009.

ВСЭ – Великая Северная экспедиция, 1733-1743

ГЭСЛО – Гидрографическая экспедиция Северного ледовитого океана, 1909-1915

ДКО – Двинско-Колымская опись (исследование побережья Ледовитого океана в ходе ВСЭ)

ИПРАМ – Исторический памятник русского арктического мореплавания. См. список литературы.

ЛР – Ларьков, Романенко (см. Список литературы)

НБЕ – Новый энциклопедический словарь / Изд. «Брокгауз и Ефрон». СПб., 1909–1916. Вышло 29 томов (до слова «Отто»)

П-1, П-2, П-3, П-4, П-5 – Петрухинцев, 1996; 2001; 2006; 2009; 2014 (см. Список литературы)

ПСФ – плавание Симса – Фаддея, описанное в ИПРАМ

РАЭ – Русские арктические экспедиции...Л., 1964 (см. список литературы)

РБС – Русский биографии, словарь. СПб., 1905–1916 (16 нумерованных томов). Переиздано с добавлением неизданных в своё время томов (24 нумеров. тома): М., 1996 – .

РГО – Русское (Всесоюзное) географическое общество

РИБ – Русская историческая библиотека, т. 2. СПб., 1875. (Сборник документов)

РМ – Русские мореходы... М., 1952 (см. список литературы)

РПЭ – Русская полярная экспедиция под руководством Э.В. Толля, 1900–1902

СВ – Северо-Восточный

СИРИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., Юрьев (ныне Тарту), 1867–1916, всего 146 томов. (Сборники документов)

4-1, 4-2 ит.д. – работы Ю.В. Чайковского (см. их список)

LIA – Little ice age (Малый ледниковый период)

Автор благодарен С.М. и Я. О. Злочевским за всестороннюю помощь

Пролог

Словно брошенная казачья шапка, лежит поверх Евразии страна Таймыр, как бы напоминающая нам, смотрящим на карту, сколько сибирских казаков и стрельцов сложило головы, стремясь покорить Крайний Север. И, словно примятый султан на шапке, высится на севере Таймыра полуостров Челюскин. Его крайняя точка, мыс Челюскин – самая северная на материке Евразии, 77° 43' с.ш.

О полярных походах много написано (и, как увидим, еще очень мало понято). Совсем, однако, немного пишут о той удивительной экспедиции, что открыла север Таймыра – о Великой северной экспедиции (ВСЭ)¹.

Полуостров Челюскин необитаем², и первыми, кто достоверно побывал тут, были вовсе не казак-землепроходец, не сборщик дани, не печорский мореход и не исконный житель Таймыра. То были участники ВСЭ: штурман Семён Челюскин и два солдата – Андрей Прахов и Антон Фофанов. Они в 1742 году прошли тут с востока на запад с нартой (нарта – лёгкие сани за собачьей упряжкой) по прибрежному льду. То был первый год правления Елизаветы Петровны.

К вечеру 9 мая³ увидели мыс с холмом, оставили на холме знак – торчащее среди камней бревно – его везли для этого тысячу вёрст и довели, хотя страдали без дров очень. Челюскин записал в путевом журнале: «мыс Северной Восточной», и под этим именем мыс значился 130 лет на всех картах. А вот о самом Челюскине и его подвиге знало всё это время лишь несколько историков, да и те часто отзывались о нём без всякого почтения. Не странно ли? Странностей тут много.

Почему со штурманом были солдаты, а не матросы? Почему так рано по календарю (льды не могли вскрыться раньше августа) и так поздно исторически? Ведь остальной арктический берег был тогда уже почти сто лет известен до западной Чукотки. Где их корабль? Где его командир?

Увы, когда Челюскин и его солдаты объезжали Таймыр в санях, корабль их, раздавленный льдами «Якуцк»⁴, давно лежал уже на дне морском, а лейтенант Василий Прончищев, его первый командир, лёг в могилу еще раньше. Гибель корабля во льдах понятна, но почему на нём умер командир?

Донесение о смерти Прончищева писал как раз Челюскин, он назвал причиной цыngu, а это весьма странно, поскольку был август, ели свежую сырую рыбу, и вся команда была здорова. Правда, тогда же умерла и Татьяна Прончищева, жена, но от чего – Челюскин не написал. Опять странность.

---

¹ Все сокращения см. в списке обозначений после оглавления. Хотя ВСЭ по ряду позиций была крупнейшей в истории (см. Очерк 4, п. 2), однако во многих книгах о географических открытиях её даже не упоминают. В западных любят от плавания Виллема Баренца (1596–1597 гг.) перейти прямо к плаванию Витуса Беринга, открывшего запад Северной Америки (1742 г.), а от него прямо к проходу Джеймса Кука (1778 г.) через Берингов пролив. Трудно поверить, но недавно такой же «знаток» появился и у нас (*Баладин Р. К. Сто великих экспедиций. М., Вече, 2013*).

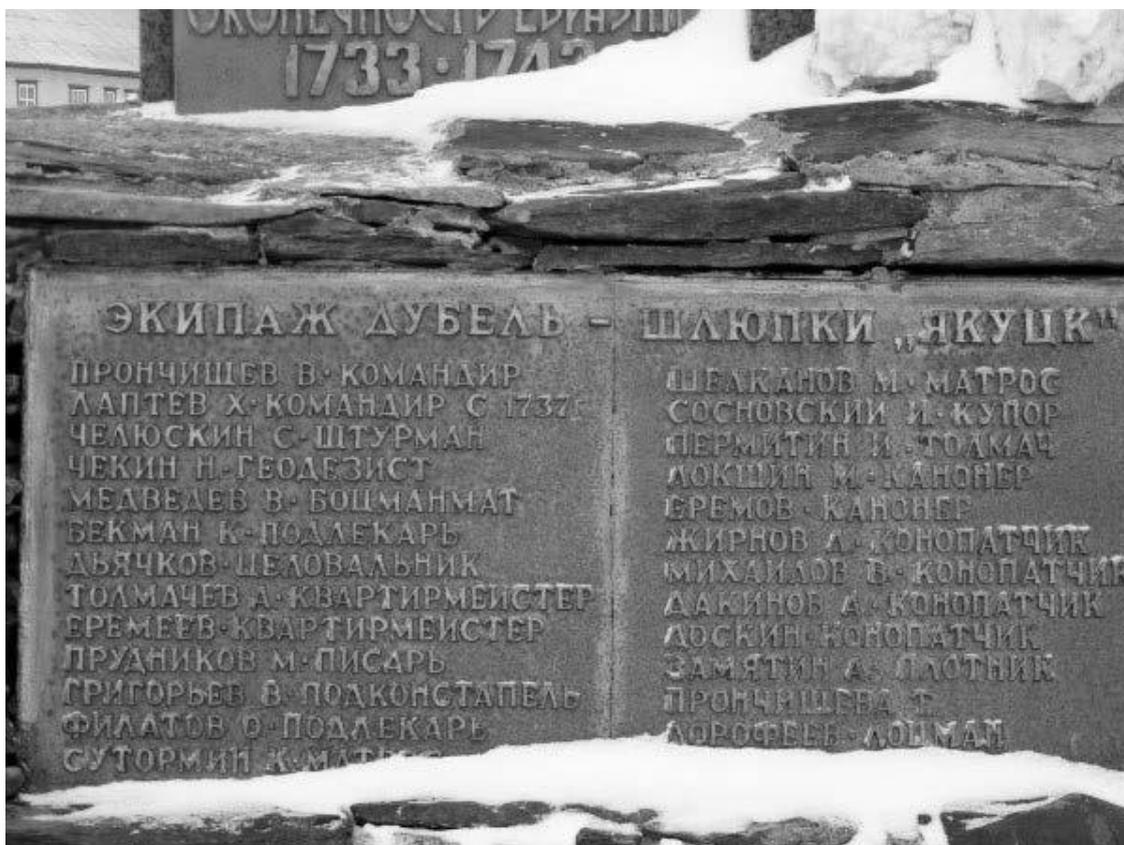
² Имя полуострову дал знаменитый норвежский полярник Фритьоф Нансен (проплывший тут в 1893 г.). В 1932 г. юго-восточнее мыса Челюскин была открыта полярная станция, вскоре у самого мыса – пограничная застава. Они действуют поныне. В 1947–1952 гг. на самом юге п-ова была полярная станция и строилась (с 1950 г. силами заключенных) шахта для добычи урана с поселком на 500 жителей (условное название объекта: Рыбак). Для их снабжения имелась перевалочная база у мыса Фаддея (см. карту на с. 35), и на её месте до 1994 г. находилось подразделение воинской части [ЛР, с. 387]. Иных жителей нет.

³ Все даты по старому стилю. Подробно об открытии мыса см. в книге [Глушанков].

⁴ Слово «корабль» использовано по всей книге в бытовом смысле, а не в военно-техническом (в каком-то дубель-шлюпка «Якуцк» была на 2–3 ранга ниже корабля).

А что определил судовой врач? Увы, кто был в то время врачом «Якуцка», мы, несмотря на обилие документации, не знаем. Тоже странно. На самом мысе Челюскин, на обелиске в память о той экспедиции, значатся сразу два врача – Карл Бекман и Иоанн Филатов, но Бекман прибыл, как видно по документам, лишь вместе с новым командиром, а Филатов ни в одном известном документе экспедиции не значится. Фамилия же взята (удивительно, но факт) с могильного креста, стоявшего когда-то у селения Усть-Оленёк; возможно, крест стоял уже тогда, когда «Якуцк» пришел туда зимовать. (См. сноски 2, 3 на с. 332.)

Кстати, список «Экипаж дубель-шлюпки “Якуцк”» на пьедестале обелиска прелюбопытен. Не столько вереницей ошибок (хотя тоже странно: что помешало избежать их?), сколько самим своим составом – в нем 25 имён, но среди них всего 2 матроса. Как парусное судно плавало почти без матросов? И это как раз не ошибка: за все годы плавания «Якуцка» на нем по штату было 2 матроса.

Разумеется, при нужде на ванты лазили и квартирмейстеры (младшие унтер-офицеры), и кто-то из мастеров, но этого мало. И кто сидел на вёслах этого парусно-гребного судна? Едва ли унтеры исполняли чёрные работы – субординация, то есть разделение обязанностей (как и прав), была тогда жесточайшая. Ответ прост: на «Якуцке», кроме людей, указанных на обелиске, и священника, было еще 23 солдата. Зачем так много? И как они все умещались на маленьком (в 2 шлюпки длиной) судне?

Новый командир, лейтенант Харитон Лаптев, появился на «Якуцке» лишь через 3 года после гибели Прончищева (а не через год, как значится на обелиске). Почему так поздно? Что делала все эти годы команда? Это неясно, как неясно и то, почему Челюскин, 3 года командуя кораблём, не получил офицерского чина. Ведь начальник экспедиции право такое имел и других штурманов в офицеры производил.

А дальше – больше. Почему Челюскин, вернувшись в Петербург, ещё целых 9 лет ждал чина лейтенанта? В этом он сильно отстал от других штурманов той же экспедиции, куда менее выдающихся; а один из них, никогда не командуя, уже через 10 лет стал контр-адмиралом. И почему никто из участников той знаменитой экспедиции не получил наград? Словом, сплошные странности.

Все они, однако, меркнут перед главной загадкой: как вся экспедиция могла состояться? Ведь в отрядах её было несколько тысяч человек, они *одновременно* обследовали Арктику от Баренцева моря до запада Чукотки, а в Тихом океане проплыли как до Америки, так и до Японии. Кто задумал, разработал, финансировал, собрал и целых десять лет направлял столь грандиозное предприятие? Этого никто не знает. То есть, конечно, мы знаем, что вопрос поднял великий мореплаватель Витус Беринг, но он был мал чином и выступал как проситель. Знаем, что указ об экспедиции вышел за подписью императрицы Анны Иоанновны (правила в 1730–1740 гг.), но никто не допускает, что в том была её сознательная воля. Так кто же? Об этом пойдёт речь в Очерке 4, где окажется, что по сути это неизвестно. И даже вопроса никто не ставит.⁵

Впрочем, ВСЭ вовсе не исключение: никто не знает много очень важного из истории Арктики. Например, почему уже на картах времён Колумба довольно верно изображен арктический берег Евразии?⁶ (Грубые измышления появились позже.) Или: почему всюду пишут, что русские мореходы торговали с жителями Енисея еще при Иване Грозном, тогда как реально первый известный корабль прошёл в Енисей лишь через триста лет и притом был английским?⁷ Почему плавания (если они не выдумка) прекратились на три века?

Этим и подобным вопросам посвящена данная книга, и сразу скажу, что ответы сыщутся отнюдь не на все вопросы, какие будут заданы. Надеюсь, что в будущем найдутся историки, которые и на них ответят.

Вообще же, хотя на географической карте Земли уже нет белых пятен, но

«в истории Арктики такие пятна есть – затерявшиеся во времени и пространстве полярные экспедиции, незаслуженно забытые люди, а порой и неверно сложившиеся представления об известных арктических исследователях – кумирах многих поколений» [Каневский, 1988, с. 72].

* * *

Пока же отмечу один важный для всей книги вопрос. Челюскин и другие пустились в санный объезд северного берега Таймыра после того, как пришли к выводу, что льды там *никогда* не тают – этим полны отчеты. Но ведь там пролегает знаменитый Северный морской путь, да и до его создания многие там плавали, задолго до глобального потепления. Где нестыковка?

И как быть с уверениями советских и нынешних историков, что за сто лет до Челюскина там уже проплыли безвестные русские поморы? Вспомним хотя бы книгу «Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра», где написано, что в XVII веке «у северных и восточных берегов Таймыра проходило древнее судно, и это судно было русским» [Окладников, 1948, с. 87]. Что, за сто лет до Челюскина там было намного теплее?

---

⁵ Вот образец: «Великая Северная экспедиция» организована «Сенатом, Синодом и Академией наук» – и ни слова больше. Так пишут два историка в предисловии (1999 г.) к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера.

⁶ Такова карта мира Мартина Вальдзеемюллера (1507), та самая, где впервые появилось слово «Америка». На ней обозначено открытое море вдоль всего северного берега Евразии с выходом в океан, ныне Тихий. Однако выход этот показан у тропика. См. **Прилож. 1** к Очерку 1.

⁷ Паровая шхуна «Диана», капитан Джозеф Виггинс (1876). Об этом тоже см. Очерк 1

Нет, было, вероятно, ещё холоднее, о чём мы узнаем далее. Узнаем, что от того судна не дошло до нас ни щепки – найдены только обломки шлюпки, а при них вещи, причем не только русские, но и из Западной Европы, и от коренных жителей Сибири. И что описал эти вещи сам же Алексей Окладников, известный советский археолог. Так почему судно названо русским?

Будь на месте Окладникова исследователь голландский, он мог бы счесть судно голландским, а сибиряков на нём – наёмными матросами. Вот бы на него набросились! И льды-де там не таяли (тому порукой путевые журналы Челюскина и прочих), и никто до появления пароходов не плавал далее запада Таймыра, и негде бы голландцам взять на борт именно такой набор людей. Словом, отвергли бы всё это как нелепую фантазию. Однако «судно было русским», и все советские авторы согласились или смолчали. А на Западе? Насколько знаю, там данную находку вообще не упоминают, она им неинтересна, хотя, по-моему, она явно стоит их внимания. Как, впрочем, и ВСЭ.

Простим автору сталинской поры эту «патриотическую песнь» и спросим более важное: как люди на самом деле попали на самый дальний край Таймыра четыреста лет назад? Мореходы они или попали в море невольны? И как вообще могла собраться столь разношерстная компания?

Чтобы хоть немного разобраться во всех названных (и множестве неназванных) странностей, нам придётся сравнить плавания очень давние (времен Колумба), средне давние (XVII и XVIII века) и почти недавние (XIX и начала XX века). А здесь сравним только следующие факты.

«Якуцк» в *особо тёплое* лето 1736 года смог начать навигацию (выйти из льдов, державших его близ устья реки Оленёк), 3 августа. Ему повезло: 19 августа он смог оказаться немного севернее мыса Челюскин (но гораздо восточнее, в открытом море). Там он встретил никогда не тающие льды, окружившие его с востока, севера и запада, и еле смог вернуться назад. В *обычное* же лето 1739 года он смог пройти лишь до мыса Фаддея, который на сто вёрст южнее.

А в *особо холодное* лето 1740 года не удалось и этого: «Якуцк» уже 13 августа был разбит льдами, притом на 130 вёрст южнее мыса Фаддея. Существенно, что навигация долее была бы всё равно невозможна: люди с погибшего «Якуцка» шли пешком к берегу 24 версты по сплошному льду.

Заметьте: в *особо тёплое* лето вся навигация составила у Восточного Таймыра 24 дня, а в *особо холодное* – две недели.

Тем самым, о плавании мимо мыса Челюскин и речи в те годы быть не могло. Зато через 140 лет всё оказалось совсем иначе: великий шведский мореплаватель Эрик Норденшельд, плывя на корабле «Вега» с запада, уже 8 августа смог обогнуть мыс Челюскин, что на 475 км севернее устья Оленька. За *двухмесячную* навигацию «Вега» прошла почти всю евразийскую Арктику. Изменился климат? Да, окончился Малый ледниковый период (LIA), о нем известно уже 30 лет, но об этом в трудах по истории российской Арктики ни слова нет. Принятую у нас точку зрения не так давно изложил полярный археолог Вадим Старков. Освоение российской Арктики рассмотрено им как часть процесса поиска СВ-прохода из Атлантического океана в Тихий. Процесс начат у него с английских плаваний 1550-х годов. Берег Баренцева моря был тогда уже хорошо освоен русскими поморами, плававшими до устья Енисея, однако ни один из тех западных кораблей, что вернулись домой, не проплыл далее западного берега Ямала. С 1600-х годов интересы мореплавателей переключились на иное направление – на попытки проплыть через высокоширотную Арктику; они тоже, естественно, были безуспешны. Освоение азиатской Арктики проведено целиком силами русских первопроходцев, выходивших в море только из сибирских рек, и завершилось в середине XVII века [Старков, 1998].

Позиция Старкова довольно хорошо обоснована, но нуждается в следующих четырех дополнениях. 1) Поиск СВ-прохода начался на 60 лет раньше, в эпоху Колумба. 2) Он завершился в каждом регионе с воцарением ПА. 3) Поиск СВ-прохода имел мощный речной вектор

– то были попытки достичь Китая и Индии по Волге, Оби или Енисею. 4) Берег Таймыра тогда освоен не был (даже если счесть сказанное Окладниковым правдой), он был лишь однажды, в ходе ВСЭ, пройден. К сожалению, обо всём этом у Старкова нет ни слова, и за последующие годы положение не изменилось.

Разумеется, проникательные люди видели некоторые черты ЛИА всегда⁸, в том числе и у нас⁹. А в наше время, четверть века назад, уже писали, что

«малый ледниковый период, продолжавшийся около шести столетий (XIII–XVIII вв.)», пришёл на Русь позже, чем в Европу, и, «насколько можно судить по скудной информации, наиболее благоприятными в Русской Арктике были XIV–XV вв.»¹⁰.

Однако в целом у наших историков освоения Арктики принято ПА игнорировать, и тему разрабатывает, в основном, Запад. Мы вернёмся к этому в Очерке 4. Там же обсудим и вопрос об особо тёплом и особо холодном лете.

Вековые поиски СВ-прохода являют собой огромный поток исследований, вполне сравнимый с открытием и обследованием других океанов, изменившим мир, а освоение Арктики, соответственно, во многом изменило саму Россию. К сожалению, связь этих процессов почти совсем не рассматривается историками, что породило, на мой взгляд, огромный провал в понимании истории культуры, если саму культуру понимать широко, как, например, понимал её историк Павел Милюков в окончательном издании его знаменитых «Очерков», завершённом в 1935 году [Милюков, 1993–1995]. Описать весь этот необозримый процесс мне, разумеется, не по силам, и предлагаю лишь отдельные очерки и одну повесть.

В. Ф. Старков напомнил, что СВ-проход как целое открыл шведский полярный мореплаватель Норденшельд. Добавлю: вскоре в Арктику проследовал норвежец Фрицьоф Нансен (более лыжник, чем мореплаватель), и, хотя оба были тогда чужды всякой политики, сам собой возник вопрос: насколько азиатская Арктика является российской? Он волновал российскую власть, и когда стало известно, что Норденшельд готовит новое плавание, ей пришлось спешно (слишком спешно) послать в Арктику экспедицию. То была Русская полярная экспедиция (РПЭ, 1900–1902) под руководством Эдуарда Толля.

Хотя о ней много написано, но слишком мало известно и ещё меньше понято. Об одной её стороне (о попытке спасти Толля, и почему это пришлось делать) рассказывает Повесть, завершающая книгу. Раскопав, насколько мог, причину гибели (ушло несколько лет), я долго пытался понять, почему это не было сделано никем раньше. Итог попытки см. в Прилож. к Прологу, п. 5.

При чтении повести полезно иметь в виду, что она начата ещё при советской власти, когда имя спасателя было запретно, и написана раньше очерков (позже их, в 2014 г., написан только пункт «Мыс Надежды»). Поэтому самый метод исследования в ней лишь намечен, а развит в очерках.

О методе для любителей серьезного чтения

---

⁸ Ещё 300 лет назад английский капитан Джон Перри писал: «не без основания можно предполагать, что в то время, когда крайний Север был населен, климат в этих местах был гораздо приятнее и мягче, представляя более удобств в жизни» [Перри, с. 46].

⁹ Так, экономист и статистик Константин Веселовский писал о потеплении ещё 150 лет назад. Напр.: «в последнее столетие зима (если так называть время, когда реки остаются покрыты льдом) в Архангельске на 4 дня сократилась, и, напротив, в Петербурге настолько же удлинилась» [Веселовский, с. 400]. В самом деле, потепление в Арктике опережало другие зоны. Исходя из её потепления как факта вскоре стал действовать герой освоения Сибири предприниматель Михаил Константинович Сидоров.

¹⁰ *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988, с. 500, 501.

Полувековой опыт работы показал мне, что в самых разных науках бывает полезно *сопоставить загадки* – пытаться понять все непонятности данной темы вместе. То есть, допустить наличие связей там, где их обычно не видят. Именно таким путём будет дан ответ на многие из заданных выше вопросов. Это **первый приём**, наиболее полно проведённый в Очерке 1, где, на примере ранних карт, сопоставление загадок проделано явным образом и разобрано. То же проделано в Очерке 2 при выяснении, из кого могла состоять погибшая экспедиция. Далее в книге этот приём полагается уже известным читателям, так что их внимание обращено на иные способы поиска.

Столь же важен **второй приём** – уметь выявлять *серийные факты*. Термин ввел историк-структуралист Фернан Бродель (Франция), в концепции которого серийные факты были первичным материалом. Серийным фактом в равной мере служила ему и глобальная параллель (например, в самых разных странах происходит переход от феодализма к капитализму), и частная (например, в самых разных культурах наблюдаются сходные типы помещичьих владений) [Бродель, с. 17, 456]. Нашу тему серийные факты буквально пронизывают.

Ведь полярные путешествия, при всей неповторимой особенности каждого, всегда складывались, в основе своей, из весьма сходных событий – жестокие бури, непроходимые льды, вынужденная зимовка в малопригодных условиях, голод, цынга, оставление корабля и попытка спастись в лодках или пешком (в том числе по морскому льду). Иногда несчастных спасали местные жители, иногда они же рассказывали о следах бывшего несчастья, а изредка даже доставляли «на большую землю» вещи погибших. Всё это повторялось не раз.

Поэтому мы можем привлечь подходящий факт там, где не хватает реально дошедших сведений. В биологии такой метод успешно использовал замечательный ботаник Николай Вавилов, назвав его в 1920 году *методом гомологических рядов*; затем применяли метод и многие другие, в том числе историки (у них он именуется структурализмом). Однако, насколько знаю, среди историков Арктики этот метод неизвестен, они работают в понятиях XIX века и ранее.

Более всего он понадобится в Очерках 1 и 2, где недостаток сведений бросается в глаза, для заполнения брешей, вызванных этим недостатком. Конечно, желательно обходиться без каких-либо вставок и допущений, но всё же лучше делать их, нежели отбрасывать (как часто делают) множество очевидных фактов только потому, что между ними не хватает связей.

Однако второй приём столь же полезен и в противоположной ситуации, когда материала слишком много (в событиях, затронутых в Очерке 3, его подавляюще много), а потому встают трудности упорядочения. Выявление рядов – начало всякого обобщения. Кто не хочет обобщать то, что узнал, вынужден писать, словно средневековый хронист, громоздя сведения и не заботясь даже об их соответствии друг другу, не говоря уж о выявлении сути событий. Что мы обычно и видим в трудах по истории Арктики. Простой пример дают нам ранние карты: их источник обычно неизвестен, и никто не пробует восстановить по карте неведомое путешествие, хотя оно легко читается на языке серийных фактов. Мы увидим это тоже в Очерке 1.

Какие вставки серийных фактов делать можно, а какие нельзя? Однозначного ответа нет, и помогает лишь то обстоятельство, что реально происходившие события не могли противоречить друг другу. Иными словами, в цепь известных фактов можно вставлять лишь тот недостающий элемент из набора серийных фактов, какой даёт непротиворечивую картину событий.

Нашим **третьим приёмом** будет погружение исследуемого явления в его эпоху. Обычно историки Арктики если и делают это, то мимоходом, здесь же он пронизывает всё изложение, и ему целиком посвящен Очерк 3. В нём нам придётся то и дело выявлять правду в потоке лжи, а в Очерке 4 такое выявление обратится в отдельный **четвёртый приём**, каковой станет основным при выяснении судьбы Прончищевых. В основе его лежат два положения.

Первое: правда отлична от лжи тем, что была на самом деле, поэтому правдивые свидетельства не могут противоречить друг другу. Иными словами: *истина самосогласованна*, она

образует единое целое, чего с ложью на деле не бывает. В терминах логики: истина *когерентна*. Но если в логике достаточно выявить взаимное согласие высказываний, то на деле взаимного согласия требуют не только высказывания (суждения), но и свидетельства. Мы увидим это в Очерке 2, где господствующее мнение (северный вариант плавания) было основано на одних суждениях, без обращения к материальным свидетельствам. (Ни одно из них не в пользу данного варианта.)

Второе: ложь не должна противоречить интересам лгущего, поэтому *свидетельство пишущего против себя можно полагать правдой*. Конечно, тут есть опасность ошибиться (он мог лгать против себя по глупости, невежеству, со страху или спасая другого), но обычно данное положение хорошо работает, если применено на основе первого. Так, заведомо не лгали С. Ваксель (Очерк 4) и С. Дежнёв (Очерк 5), живописуя истребление туземцев, запрещенное указами и наказами.

Впервые мне пришлось использовать оба положения при попытке понять ход и смысл Русской революции. Попытка была начата в 1968 году (сразу после ввода советских войск в Чехословакию), когда в изложении истории царилась ложь. Попытка оказалась удачной: через 20 лет, в «эпоху гласности», когда открылось множество новой информации, мне почти не пришлось менять представлений о Революции. Это стало для меня свидетельством приемлемости обоих положений.

Вообще, опора на идею целостности лежит в основе моих построений, и не только в предлагаемой книге. Из всех пониманий истины мне ближе всего такое: истинно то, что образует согласованную целостность. Её можно видеть двумя способами. Первый прост и примитивен: части, соединяясь, подстраиваются друг к другу и тем самым образуют целое. Так образуют компанию попутчики. Второй намного труднее для понимания: «Не части (заранее существующие) складываются в целое, а, наоборот, целое создаётся путём направленного формирования своих частей» [4-12]. В природе и обществе преобладают целостности второго типа, что будет для нас особо важно в Очерках 3 и 4.

Конечно, некоторая неопределённость всегда остается, она вызывает у исследователя дискомфорт, поэтому среди учёных обычен такой обманчивый приём – составить себе «наиболее вероятную» картину предполагаемого события и затем отстаивать её одну. Он нам никак не подходит. *Нигде не будем выбирать единственный вариант*, а будем искать в качестве истины то общее, что есть во всех вариантах, согласных с фактами. И конечно, не будем пытаться оценивать «наиболее вероятное», так как нет смысла говорить о вероятности однократного события. Все допустимые варианты следует держать в голове, даже самые сомнительные. Отбрасывать можно только то, что невозможно в принципе.

Отсюда **пятый приём** – выявление *ядра и периферии* (об этой паре понятий см. 4-11). Наиболее полно и явно он проведён в Очерке 5. Ядро явления – то общее, что имеется во всех тех версиях явления, которые есть смысл рассматривать. А рассматривать можно и нужно то, что непротиворечиво внутренне. Для этого следует собрать всё, что о явлении известно, не пытаясь оценивать качество (достоверность) отдельных сведений¹¹. Это трудно, поскольку всегда хочется счесть нежелательное несущественным или даже невозможным, но этому надо научиться, иначе будет поиск под фонарём. На мой взгляд, для успешного выявления ядра явления требуется следующее.

---

¹¹ Как заметил писатель-полярник Зиновий Каневский, в ходе понимания исторического явления отдельные доводы «за» и «против» порой причудливо меняются местами» [Каневский, 1988, с. 78], то есть поначалу роль отдельных фактов непонятна, и учёный вынужден её выдумывать. Сходная мысль в терминах науковедения звучит так: пока у факта нет объяснения, он не имеет для большинства ученых не только смысла, но и места ([Ч-11, с. 83 и примеч. 18], а подробнее: [Мейен и др., 1977, с. 121]).

1) Не следует (как это обычно делают) полагать критику чужих мнений доказательством справедливости своей собственной теории или версии явления. Критиковать надо прежде всего себя, а в чужих мыслях искать что-то для себя полезное.

2) Надо не полагать свое мнение, пусть и прекрасно (для самого себя) обоснованное, единственно верным, а держать в поле зрения *спектр* мнений.

3) Особое внимание надо обращать на то, что не принято упоминать.

4) Принимать к рассмотрению надо все сведения, кроме тех, что опровергнуты надёжными данными прямо. То есть, следует научиться *не выдавать сомнительное за ложное*, а для этого следует отучиться смешивать свои религиозные и политико-патриотические пристрастия с фактическими доводами. Для начала нужно призвать себя смотреть на свои мысли со стороны.

Всё это трудно делать, и целиком выполнить данную программу вряд ли кому-либо удалось, зато сделанное (даже частично) упрощает работу: сама собой высвечивается совокупность фактов, общих для всех допустимых версий – *ядро* явления. Чтобы собрать из принятых к рассмотрению сведений ядро явления, надо выбрать все те сведения, которые друг с другом согласуются. Иные сведения, если таковых мало, составят *периферию* явления. Если же их много, если ядро оказалось сопоставимо с периферией (со свидетельствами, противоречащими надёжным фактам, но не опровергнутыми прямо) или даже меньше её, то следует признать, что явление не понято. Когда ядро выявлено, почти все доводы обретают объяснение, а с тем и своё место в картине явления (соответствуют ядру), а немногие оставшиеся оказываются лишними (периферией).

Бывает, однако, что ядро (масса не противоречащих друг другу сведений) не проявляет цельности, не образует само по себе связного рассказа о явлении. В таком случае требуется **шестой приём**, который у историков науки называется *реконструкцией события*. Историкам Арктики этот приём тоже чужд, а мы будем широко им пользоваться, особенно в Повести, где он составит основу изложения. (В Очерках 1 и 2 он тоже существен.) Реконструкция – творческий, то есть неформальный приём исследования, в котором для увязки деталей в целое привлекаются добавочные соображения – о возможных причинах и целях действий участников, а также об их качествах (о знаниях либо невежестве, смелости либо трусости, уме либо глупости, честности либо подлости и т. д.). Разумеется, эти соображения можно основывать только на надёжных фактах.

Наконец, **седьмой приём**, самый общий: сперва изучать само *явление*, а не мнения о нем (подробнее см. [4-11, с. 13]). Выявив его ядро, надо самому выявить спектр (или: строить реконструкцию) так, словно явление никем еще не описано. В основе понимания тут лежит *акт удивления*. (Это сходно с методом остраянения (отстранения), каковой предложил сто лет назад литературовед Виктор Шкловский.) Обычно пишушим чуждо удивление, потому им проще повторять старое. Но разве не удивительно, что Челюскина, героя, до конца службы зажимали? За что именно?

* * *

То, что нам откроется, будет весьма далёко от общепринятого. Порой окажется, что полярники боролись не столько со льдами и бурями, сколько друг с другом. Если, опуская это, историки Арктики полагают, что так легче раскрыть героизм полярников, они ошибаются. Не различая своих героев (вольного первопроходца, приказчика, атамана, простого казака или стрельца, беглого разбойника, строевого офицера и пр.), не вникая в их мораль, в их цели, средства и нужды, нет возможности всерьёз описать их подвиги. Точнее, никто ещё не сумел.

Полагаю, мне удалось хотя бы отчасти показать, что те жестокие и нелепые условия, в которые эпоха и власть ставили героев книги, делают их подвиги ещё удивительнее, чем при-

нято считать. Можно ли оправдать их преступления (разумеется, с позиции тогдашних законов и морали) – отдельный вопрос. И даже если он не имеет решения, это не основание скрывать сами факты. Так, упорное замалчивание враждебной (и порою мятежной) обстановки в ВСЭ напрочь закрывает путь к пониманию того, почему географы отказались принять факт открытия Челюскина.

К сожалению, историки Арктики обычно полагают самым важным то, чем сами обладают. Одни – знание литературы, другие – архивов, третьи – устной традиции, четвёртые – вещественных находок, пятые – умение читать старинные рукописи, шестые – опыт собственных плаваний.

Всё это важно, но не даёт еще, даже всё вместе, подняться выше перечисления свидетельств (принимаемых за факты), то есть выше познавательного уровня средневековых хронистов. Их, однако, не принято называть историками. Историческая наука сделала, особенно за последние 150 лет, огромный прорыв в части методов анализа свидетельств и реконструкции явлений прошлого.

Увы, большинство полярников, в том числе учёных – отнюдь не историки в своей основе (исключения типа ЛР редки). Припомним хотя бы печальный опыт Карла Бэра и Фёдора Литке. Эти блестящие учёные, отлично работавшие в Арктике сами, положили, однако, свой опыт и авторитет на борьбу с её освоением¹², ибо были уверены в непроходимости её морей, не заметили потепления (истории природы) и не вспомнили успеха плаваний прошлого (истории исследований).

Не раз также приходилось мне видеть людей, прочитавших множество архивных дел, но имевших весьма смутное представление о проблемах и людях той эпохи, которую изучали. Поэтому в своих лекциях аспирантам (будущим историкам науки) я всегда советовал ходить в архив не раньше, чем освоишься со своей тематикой по печатным изданиям и обдумаешь, чего, собственно, хочешь от архива. Советовал, увы, без успеха: – им нужны диссертации, и поскорее.

Мне главным источником послужили как раз печатные издания. Всё остальное (архивные документы, беседы с полярниками и историками, собственные северные наблюдения в молодости) использовано редко, если само шло в руки. Цель моя – вовсе не «ввести в научный оборот» что-то неопубликованное, а показать, сколь плохо известно и ещё хуже осознано обществом наше прошлое, хотя опубликованных сведений более чем достаточно. Без такого осознания поиск новых сведений, по-моему, почти или вовсе бессмыслен.

Это, кстати, видно при чтении многочисленных рассказов про подвиг и гибель Прончищевых: хотя из архивов известна масса подробностей, в том числе интересных, но суть дела в них едва затронута. Только после написания Очерка 4 стало мне ясно, что именно надо выяснить в архиве – судьбы врача и священника «Якуцка». Там же надо читать судовой и береговой журналы за те судьбоносные дни. Читать внимательно, много раз возвращаясь ко вроде бы известному. Далее, удивительно, что никто из историков до сих пор не поинтересовался, как этих двоих звали и когда их имена исчезли из платежных ведомостей (которые, как следует из сборников ВКЭ, в значительной мере сохранились). Так что могу пожелать более молодым историкам успехов в архивах.

Что же в исследовании главное? Сказать, что главное – это видеть всё вместе, цельно, – значит, сказать банальность. Все это знают, но охватить всё вместе никому не под силу. Надо также уважать опыт и мысли друг друга, но это тоже банально. Кроме всего этого, нужно ещё

---

¹² «Такие авторитеты, как академик Бэр и адмирал Литке, признали [Карское море] вообще недоступным для навигации, и тем самым на несколько десятков лет задержали осуществление морского пути в Обь и Енисей» [Колчак, 1906, Памят. зап., с. 277].

ничего не принимать без понимания, на веру, а вот эта нехитрая мысль весьма далека от банальности.

Наоборот, принято отговариваться: «я в этом не специалист» или «это всем известно» и затем всему, что вне «своей» тематики, верить. Даже если это явная (для постороннего) глупость. Вот и ключевое слово: для *постороннего*.

Понимать суть дела в работах самых разных специалистов – особое умение, требующее особых качеств и опыта. Оно так же необходимо, как все конкретные специальности, без него наука распадается на кланы специалистов, безнадежно спорящих или безнадежно друг о друге не знающих. Носитель такого умения вряд ли может быть из их числа, ему лучше быть к ним посторонним.

Таких людей в каждой дисциплине и в каждом обществе нужно совсем мало, никакого общественного слоя или учреждения они не образуют, и потому в них большинство не видит серьезных ученых. Но именно к ним мне приходится отнести себя. Дело всей моей жизни – смотреть на проблемы со стороны. И (без этого никогда не обходится) объяснять специалистам, что именно делают их коллеги и они сами. Необходимость этого мне внушил Сергей Мейен [4-11, с. 114].

Надеюсь, что данная книга поможет кому-то, кто начинает исторические поиски, включая архивные, искать осмысленно. Искать не материал к диссертации или публикации, не подтверждение удобных взглядов, а картину ушедшей эпохи и понимание давно живших людей.

Очерк 1 Мыс Скифский, или Арктический

С мыса Челюскин в ясную погоду хорошо видны на горизонте ледяные горы Северной Земли, они даже вроде как искрятся от низкого солнышка. Но люди бывают здесь столь редко, что никто так и не увидал ту землю, пока она не была в 1913 году открыта с моря. То было последнее крупное географическое открытие на планете.

Но началась Мировая война, затем революция, война Гражданская и разруха. Лишь в 1930 году сюда направилась экспедиция, описавшая новый архипелаг, где царят покрытые вечным льдом горы, а по низменным берегам и долинам лежит арктическая пустыня – это значит, что средняя температура июля не превышает 2 °С, что растения покрывают менее 20 % поверхности, оставляя остальной грунт голым. Песцы и олени (а значит, и люди, охотники) на Северную Землю в наше время не заходят.

Руководили экспедицией знаменитые полярники Георгий Ушаков и Николай Урванцев, которого мы далее не раз вспомним. Острова и их части получили советские названия, и северной оконечности архипелага дали имя «мыс Молотова». (Это – самая северная суша азиатской Арктики: 81° 14' северной широты.) Но Вячеслав Молотов, главная опора Сталина во внешней политике, после его смерти не ужился с новым правителем (Никитой Хрущёвым), и в 1959-м году Красноярский крайсовет получил приказ убрать неудобное имя с карты. С тех пор мыс именуют Арктическим.

Северная Земля, разумеется, необитаема, и принято считать, что она никогда прежде не была посещаемая, однако это не так. На юго-западном её краю, у мыса Неупокоева, есть *вещественное доказательство* весьма давнего посещения её промысловиками: на отлогом берегу

до сих пор торчит из вечно мёрзлого грунта древний столб. Полутораметровый деревянный столб полуметровой толщины [Свердлов, Чуков, с. 254].

Уже лет 400 никто таких столбов не ставит, зато до этого их ставили во множестве. Из таёжной зоны их привозили поморы к своим стоянкам и с огромным трудом вкапывали в мерзлоту – чтобы затем с помощью блока вытягивать на берег гружёную лодку. Обыкновение плавать в азиатскую Арктику заглохло в начале XVII века, когда похолодало там настолько, что льды перестали таять и стали непроходимы – настал так называемый *Малый ледниковый период*, LIA (the Little ice age [Grove, 1988]), о котором речь будет далее. В местах более южных (например, на острове Вайгач) столбов таких до сих пор сохранилось довольно много – у Арктики долгая память.

1. Загадочные карты

Когда же Северная Земля впервые появилась на картах, деля евразийскую Арктику надвое? Тут нас ожидает загадка – уже на карте, изданной в Риме в 1508 году в одном из многих тогда изданий «Географии» Птолемея, мы видим на месте Таймыра узкий полуостров. Он тянется на север, в океан, до 80-ой параллели, как Северная Земля.

Будем называть его *псевдо-Таймыром*.

Это вовсе не первое изображение Арктики (см. **Прилож. 1**), но здесь удивительно то, что к западу от псевдо-Таймыра изображены впадающие в океан две огромных реки – там, где в самом деле (как мы теперь знаем) текут Обь и Енисей. Карту открыл для науки Норденшельд [Nordenskjold, 1889].

Карта 1. Контур севера Евразии на карте 1508 г.

ПК – Полярный круг 1–9 см. в тексте

Неужели самый север Азии знали уже 500 лет назад, при Иване III? Тогда, как принято писать, не то что о Таймыре, даже о Сибири ничего не ведали и на западных картах (русских еще не было) обозначали её как *Scythia Extraimium*, что примерно значит «Скифия Зауральская». Правда, реку Обь знали очень давно (её называет уже новгородская летопись за 1375 год), но полагали её текущей из какого-то сибирского озера, а вовсе не с гор центра Азии. Енисей же впервые упомянут лишь через 200 лет, в документе 1584 года, при Иване Грозном, о чём речь будет далее. На картах он появился ещё много позже.

На карте как бы показан Таймыр, да ещё с Северной Землёй. Словом, это едва ли не самый загадочный документ в истории освоения Арктики.

Только карта ли это географическая или просто досуговая выдумка? Ведь книга Птолемея, великого учёного древности, дошла до нас без карт, и с появлением книгопечатания каждый

издатель норовил «исправить» этот изъян на свой лад, добавляя к античному тексту посторонние карты. Сами же карты делались отнюдь не заново, а путём «исправления» прежних карт, часто фантастических. Упомянутая карта тоже фантастична (взгляните хотя бы на очертание Скандинавии и Балтики), и внимания историков не привлекла, а жаль.

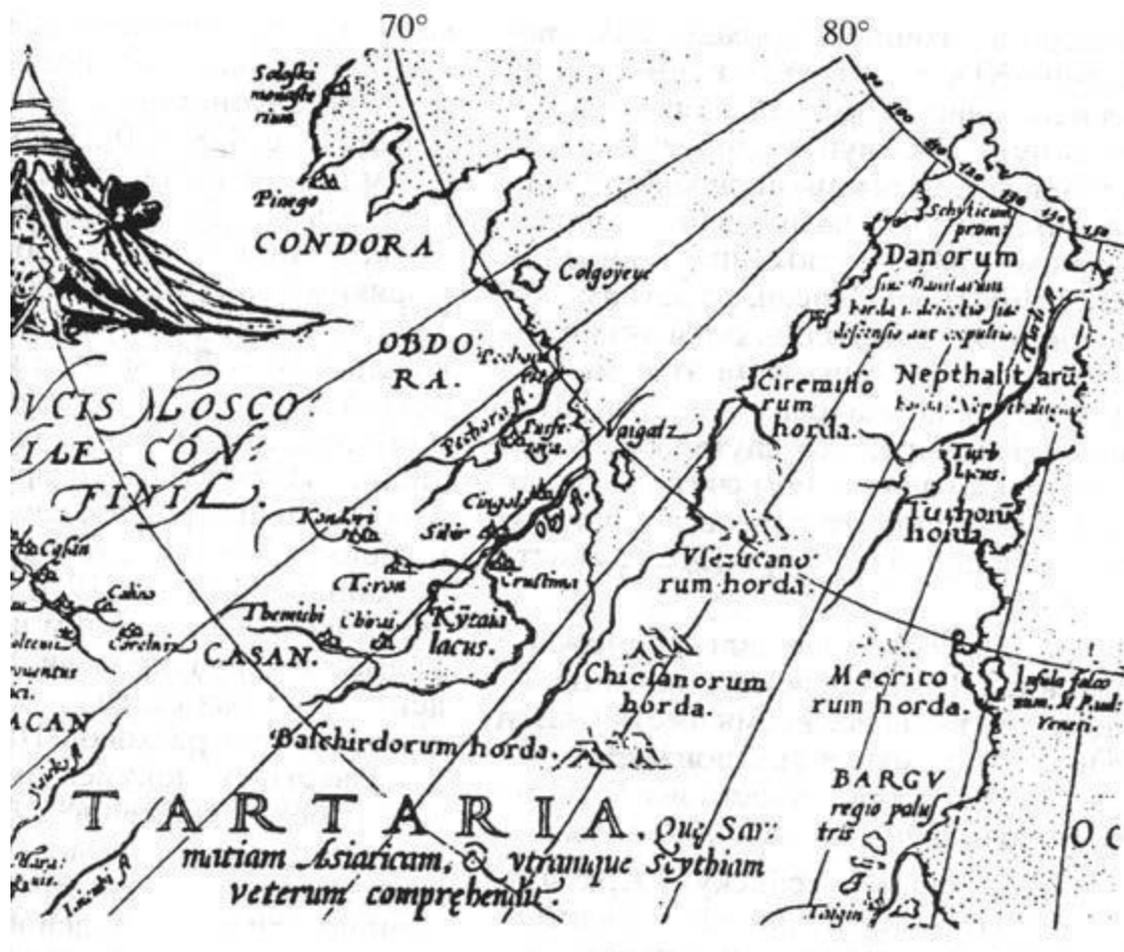
Довольно верное положение Оби и Енисея побуждает рассмотреть карту подробно, и легко заметить на ней цепочку реальных объектов. Удивляет верное изображение северной части Уральского хребта, тоже опережавшее науку на сто лет, – на карте он, как и надо, простёрт на северо-восток и упирается в губу Карского моря. Нанесены параллели, и мы видим, что одна широта указана верно – это правый, Гыданский, берег устья Оби (73° северной широты).

Конечно, одна широта ничего не говорит, но на карте 1 дан ещё и контур арктического побережья, где в западной части легко узнать:

1 – Скандинавский полуостров с восточным выступом (Кольским полуостровом), 2 – Белое море, 3 – полуостров Канин, 4 – мыс Русский Заворот, 5 – Печорскую губу, 6 – Байдаракскую губу (в которую упираются Уральские горы), 7 – полуостров Ямал, 8 – полуостров Гыданский, 9 – западный берег Таймыра.

То есть, проглядывает фактическая основа. Откуда бы ей взяться?

А вот карта 2, это «Тартария» из атласа Абрахама Ортелия (1570), известнейшего картографа, и в ней мы снова видим псевдо-Таймыр, причём на том же месте, но уже с деталями. Посреди него озеро, в него втекает река с юга и вытекает на север, впадая в море, ныне носящее имя Лаптевых. Громаду полуострова венчает «мыс Скифский» (*Scythicum promontorium*). Замечу, что латинское *promontorium* означает не только мыс, но и отрог (горный выступ), что мы и видим на карте Ортелия.

Карта 2. Фрагмент карты «Тартария» из атласа Ортелия, 1570 г.

Уже по тем временам карта выглядела нелепой – как понимать хотя бы остров Вайгач, хорошо уже тогда известный, но здесь помещённый восточнее устья Оби; как понимать шатры неведомых племён, изображённые на самом дальнем Севере, или «*Insula falso*» (Соколиный остров) с простодушной ссылкой на Марко Поло из Венеции?

Немудрено, что первый историк Сибири Герард Фридрих Миллер, в картах весьма искусённый, в 1761 году предположил о ней: «Кажется, что оную сочинил сам Ортелий» [Миллер, 2006, с. 663]. Больше всего Миллера возмутили как раз шатры, при которых подписаны «10 колен Иудейского народа, кои Салманасаром отведены в Ассирийское пленничество» (там же, с. 664).

Однако впоследствии историк Арктики Митрофан Боднарский отметил, что на полуострове, наряду с наивными измышлениями, есть и нечто довольно верное: «озеро и протекающая через него река» [Боднарский, с. 63] – он имел в виду озеро Таймыр с рекой Таймырой. Но, замечу, река Нижняя Таймыра, вытекающая из озера Таймыр, впадает в Карское море, а не в море Лаптевых (как на карте Ортелия), так что оптимизм историка выглядит чрезмерным.

И всё же не будем спешить. Дело в том, что мыс Скифский поразительно точно, для середины XVI века, соответствует по широте мысу Арктическому – разница всего около четверти градуса. (Долгот тогда не умели мерить вовсе.) Неужели Ортелий (или его информатор) подвинул северный край полуострова по сравнению с прежней картой на нужные полтора градуса случайно?

Но главный сюрприз – фактическое очертание северного берега Северной Земли – оно удивительно похоже на очертание берега у мыса Скифского.

Здесь требуется пояснение. Реальность сведений на старинных картах принято оценивать вне всякой связи с масштабом и очертанием объектов, так что в расчёт берутся только взаимное расположение и название (если таковое имеется). И это правильно, поскольку старинная карта, даже если она с градусной сеткой, то и дело переходит в зарисовку.

А тут у нас налицо ещё и сходство очертаний. Опять-таки, нас не должно смущать то, что у Ортелия северный берег меньше уклонён к югу и более извилист – это отнюдь не результат съёмки. Важно иное – тут и там слева и справа берег замыкают два «промонтория» со сходной ориентацией мысов.

Конечно, скептик скажет, что эти совпадения тонут в массе несуразностей. Так, 1) мыс Скифский венчает весь псевдо-Таймыр, а реальный мыс Арктический расположен на острове; 2) между этим островом и островом с рекой есть пролив; 3) у Ортелия в озеро с юга река втекает, а на нынешней карте она (р. Озёрная) из него на юг вытекает; 4) далее к востоку линия берега бессмысленна; 5) некоторые надписи сказочны (две самые северные – *Danogum*, *Nephtalitarum* – это племена Дана и Нефталема, два из двенадцати колен Израилевых).

Карта 3. Северная Земля

- 1 – река Ледниковая; ныне она перекрыта ледником, а 400 лет назад она вытекала из озера, обеспечивая ему низкий уровень поверхности
- 2 – озеро Фиордовое; ныне оно стоит высоко, и сток его происходит на юг
- 3 – река Озёрная; ныне она вытекает из озера, но 400 лет назад, когда оно стояло ниже, она в него втекала [Большаинов, Макеев, 1995].
- 4 – озеро Изменчивое
- 5 – вкопанное древнее бревно

Однако, сравнивая разные карты XVI века, легко заметить, что, по мере получения реальных сведений о Сибири, картографы не отказывались от древних вымыслов, а отодвигали их всё дальше в область неизведанного. Неудивительно, что и теперь картограф, оконтурив новую неизведанную землю, поместил там мыс Скифский и колена Израилевы. Со времён античных географов считалось, что некоторые колена откочевали в «Тартарию», и это мнение мы находим даже в более поздней (1625 г.) и вполне серьёзной книге Сэмюэля Пёрчеса [Purchas, т. 1, с. 326]. Так что, повторю, не будем спешить.

Карта 4. Карта Ортелия целиком

Да, мыс Скифский венчает у Ортелия огромную сушу, а не остров, но чтобы понять это, надо было пройти от него до материка, что требует особой экспедиции. Да, на деле остров с мысом и остров с озером разделены проливом, однако с моря он плохо заметен и открыт лишь в 1931 году в пешем маршруте. Да, ныне река Озёрная вытекает из озера Фиордового, но 400 лет назад, как выяснили геологи, она в него здесь втекала, а вытекала из него река на северо-восток, как у Ортелия. Ныне эта река (Ледниковая) имеет истоком ледник, но в XVI веке ей служило истоком озеро [Большиянов, Макеев, 1995]. Да, к востоку от псевдо-Таймыра карта фантастична, но не во всё: общее направление берега соответствует истинному и кончается тем, что мы именуем Чукоткой (см. карту 4). Кстати, это обычно для карт той поры, что само по себе удивительно. А к западу от псевдо-Таймыра карта содержит, среди фантазий, много верных сведений [Ч-З, с. 64], каких прежде на картах Ортелия не было.

Словом, к оценке Боднарского вполне можно добавить, что карта Ортелия содержит поразительно правильные сведения, но не о Таймыре, а о Северной Земле. Кто и как мог добыть их в середине XVI века?

Точного ответа нет, и вряд ли он когда-нибудь будет. Хотя в принципе какой-то западный архив может хранить желанный документ, но, пока он не обнаружен, разговоры о нём – фантазия. Зато вполне реальны отчёты о полярных плаваниях XVI века, и, вчитываясь в них, можно понять, что было тогда возможно, а что нет.

2. Мозаика событий и картина явления

В книгах пишут о тех первопроходцах, кто вернулся и отчитался, или кто погиб, но свидетельства о ком попали в руки географов. Однако ведь многие пропали бесследно, и о них не пишут. В книге «Полярные моря» [Блон, 1984] французский исторический писатель Жорж Блон так и заявил:

«Мы не станем перечислять одиночек (в основном англичан), которые с 1535 по 1550 год отплывали в направлении вечных льдов и никогда не возвращались».

Но нам они-то как раз и интересны.

Традиция такого умолчания, к сожалению, не нова, и стоит отметить, что при этом из внимания выпадает важная возможность – когда в Европу возвращались один или несколько неграмотных матросов, отнюдь не озабоченных приумножением знаний. Спасённые ими бумаги они вполне могли продать любому, лишь бы добыть деньги на дорогу домой. Естественно, у учёных возникла практика – использовать карты, не имеющие ясного источника. В их числе были и средневековые карты, включая даже китайские [Мензис, 2004].

Поняв всё это, можно составить достаточно реальный сценарий возможной цепи событий, приведшей к появлению каждой из названных выше карт. Сценарий не может быть однозначным (то и дело придётся допускать варианты), но это не так уж важно. Куда важнее понять, что карту, не имеющую пояснений её появления, можно и нужно использовать. И ещё полезно знать, что картограф XVI века, получив в руки новые сведения, обычно не чертил новую карту, а «уточнял» предыдущую, порой забавным образом.

Все звенья предложенных далее возможных цепей событий взяты из подлинной истории освоения Арктики, истории, каковую читатель может выяснить по сводкам М. С. Боднарского, М. П. Алексеева, В.Ю. Визе, М.И. Белова (список в конце книги) и другим. Но сперва нам надо узнать кое-что о движущей силе этой истории, о силе, породившей на картах псевдо-Таймыр и многое другое. То есть, об истории Северо-восточного прохода (СВ-прохода).

Все знают, что перед 1500 годом Европа начала осваивать пути в Индию и Америку, но мало кто может сказать, что же в связи с этим тревожило умы, особенно в тех странах, которым общеизвестные пути в указанные земли были заказаны. Ещё в 1493 году римский папа Александр VI поддержал претензии испанцев на «Вест-Индию» (открытые Колумбом острова и земли Центральной Америки), а португальцев – на «Ост-Индию» (подробнее см. [Харт, с. 15–17]). Англичане вскоре тоже попытались счастья в Новом свете: в 1497 году высадились в Сев. Америке, но драгоценностей не нашли и надолго охладели к открытым землям. Зато они воспылали черной завистью к португальцам, привезшим в 1499 году из Индии (вокруг Африки) немного пряностей и драгоценных камней, и к испанцам, привезшим в 1500 году из Америки много жемчуга.

Не меньше завидовали голландцы, а итальянцы просто негодовали, поскольку морской путь в Индию вскоре лишил их основных доходов от торговли пряностями. Прежде их доставляли в Европу арабы из Индии через Египет и Италию. Подробнее см. [Харт, с. 86–88]. С тех пор и начали в Западной Европе помышлять о других путях в Индию.

Англичане и голландцы стали искать тогда СВ-проход, то есть морской путь в Китай и Индию через Северный океан вокруг Азии. Принято уверять, что начало этим поискам положили два не очень обдуманно высказывания. Первое сделал в 1525 году русский посланник в Риме Дмитрий Герасимов: он поведал Западу о возможности нового пути в Индию – из Северной Двины на восток, Ледовитым океаном. Откуда Герасимов это взял, неизвестно; думаю, что из какой-нибудь западной карты вроде карты 1. Во всяком случае, он сам не знал об этом пути

ничего определённого. Как сообщал итальянский писатель Павел Джовио (Иовий), который беседовал в Риме с Герасимовым,

«никто не доходил до Океана... достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несётся в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-то другой земли» [Берг, 1949, с. 13].

Вот именно – если. (Не эта ли земля выдалась к северу на карте 1?) Но Джовио не видел тут особой трудности: по его мнению, Китай недалек от Двины по той простой причине, что из обоих мест привозят соболей.

А вот второе высказывание: английский купец Роберт Торн в 1527 году высказал ещё более смелую мысль. Он заявил, что представления о вечных льдах вообще неверны, что это – сказка, вроде той, в какую прежде верили мореходы – о кипящей воде на экваторе. Что у полюса незаходящее Солнце растапливает льды; что если от полюса повернуть на восток, легко попасть в Тартарию, а за ней якобы лежит Китай. См. [Харт, с. 27], ссылка на Hakluyt, 1589.

Считается, что именно так родилась знаменитая идея СВ-прохода. Однако тот факт, что она имела быстрый, почти мгновенный успех, говорит о том, что идеи Герасимова и Торна не были новы, что тема уже до этого обсуждалась. И в самом деле, существует документ, куда более ранний. Он-то и может помочь нам объяснить карту 1508 года.

4. Остров Груланда и СВ-проход

14 июля 1493 года немецкий врач и картограф Иероним Мюнцер послал португальскому королю Жуану II письмо от имени Максимилиана I, римского короля и императора Священной Римской империи. В нём Жуану предложено отправить экспедицию в Китай. При этом, что самое важное, сказано про огромный северный остров Груланду во владении московского государя, причём остров открыт недавно, но уже имеет огромное поселение:

«Уже славят тебя как великого правителя немцы и итальянцы, и рутены. [И] аполлоновы скифы, коим суждено быть под сухою звездой арктического полюса. И великий герцог Московии; ведь немного лет назад под сухостью той звезды стал известен впервые большой остров Груланда, чья длина берега 300 лиг. Там огромное селение людей из известного владения названного господина герцога».

Нигде, кроме этого странного письма, Груланда не упоминается. Анализ его можно найти в работах [Обручев, 1964; Чекин, 2004; Чайковский, 2006], о чём см. **Прилож. 2**, а здесь отметим только следующее.

Жуану (о нём см. [Харт, с. 76 и д.]) предложено отнюдь не повторение плавания Колумба, а нечто совсем новое – португальцам надо освоить северную дорогу в Китай, пока этого не сделали государства Северной Европы.

Но что же такое Груланда? Можно ли указать её на карте? До сих пор историки называли в качестве нее три объекта – Гренландию, Шпицберген (Груммант) и Новую Землю. Гренландия могла послужить прототипом для слова «Груланда», но и только: русские там не бывали. Грумант сам был открыт для Западной Европы лишь через сто лет, и его имя – тоже, как полагают историки, искажение слова «Гренландия». Данные археологии говорят о поселениях там только с середины XVI века, так что говорить о нём здесь вряд ли стоит.

Наоборот, Новая Земля и только она одна имеет длину западного побережья в 300 лиг (1500 км). Она – реальный уже в то время объект, о котором могли быть получены сведения от моряков. И они действительно были, их подробно описал Леонид Чекин. Так что примем, что Мюнцер писал о Новой Земле.

Что касается «огромного селения» на Груланде, то это явная выдумка (возможно, самого Мюнцера): такого в Арктике не было ни в природе, ни на картах, ни в текстах. Полагаю, что выдумка понадобилась её автору, дабы привлечь португальцев к идее СВ-прохода: если в середине пути в Китай есть огромное селение (притом, как намекает автор, дружественное), значит, там можно будет и пополнить запасы, и учинить ремонт.

Но союз двух королей (Максимилиана и Жуана) не состоялся, и селение на Груланде больше не поминалось, как и она сама. Жуану, по всей видимости, вполне хватало новооткрытого пути в Индию, так что Максимилиану надо было бы обратиться не к нему, а к северным приморским королям, что, подозреваю, он вскоре и сделал. О следах таких контактов, всегда секретных, чаще всего можно судить лишь косвенно – по их следствиям. В данном случае, по начавшейся вскоре же активности северных государств.

Итак, письмо Мюнцера представляется мне *первым известным науке призывом искать СВ-проход*. Призыв состоялся за 60 лет до первого известного нам появления англичан на русском Севере, и факт письма делает более понятными упомянутые выше загадочные карты: судя по ним, проход в Китай начали искать в Арктике намного раньше, чем принято писать.

5. Северо-восточный проход и его безвестные герои

Но вернемся к Герасимову и Торну. Среди поверивших им людей были и такие безоглядные, которые поплыли прямо на север в уверенности, что там, за льдами, встретят теплое море, согреваемое всё лето незаходящим солнцем. Именно так пропал первый известный нам корабль, ушедший около 1530 года прямо на север в расчете повернуть, миновав льды, на восток.

Карта 1508 года наводит на мысль, что так плавали и раньше. Видны две возможности: либо подобный корабль вернулся в Европу, но доклад был засекречен и забыт, либо он погиб, но кто-то с него уцелел, доставил в Европу карту плавания, и она не погибла, хоть путь её в атлас нам и неизвестен.

Но можно ли было таким путём (через высокие широты) попасть к Северной Земле? Сейчас – нет, а тогда было вполне вероятно. Ведь в начале и середине XVI века ледовая обстановка была гораздо мягче, чем впоследствии. Неведомый корабль, влекомый западным ветром и льдами, вполне мог пройти к Северной Земле, проплыв севернее Новой Земли.

Для сравнения: Виллем Баренц, великий голландский мореплаватель, зимую на севере Новой Земли в 1596–1597 годах (когда уже всюду шло похолодание), трижды за зиму видел чистое ото льдов море. Через несколько лет другие голландцы прошли *летом* оттуда еще 300 миль к востоку (т. е. почти до видимости Северной Земли) по чистому морю. Подробнее см. [Ч-3].

В 1625 году английский географ Сэмюэл Пёрчес издал огромную сводку «Пилигримы», где собрал необозримую массу сведений о путешествиях – от древних странствий, изложенных в Библии (например, исход евреев из Египта) до самых новейших, описанных к 1624 году. Её сто лет назад переиздали в Глазго в двадцати томах [Purchas, 1905–1907], и один лишь указатель занял 2/3 последнего тома. Путешествия в Северный океан составили 13-й том, и в этом томе нет ни слова о путешествиях за 1557–1575 годы – а нас как раз интересует это время. Неужели 19 лет никто не плывал на север?

Конечно плавали, и много. Между прочим, в послесловии к русскому изданию Блона читаем: «в поисках Северо-Западного и Северо-Восточного проходов, во время китобойного промысла погибли сотни кораблей». Добавлю: ветры и льды заносили их во все уголки Арктики, и кто-то вполне мог высадиться на Северной Земле. Но что стало с ними дальше? Неужели кто-то смог выйти к людям в Сибири? Это же невероятно далеко. Однако вот карта, она есть, и не одна, значит, люди там побывали, и нам следует понять, как.

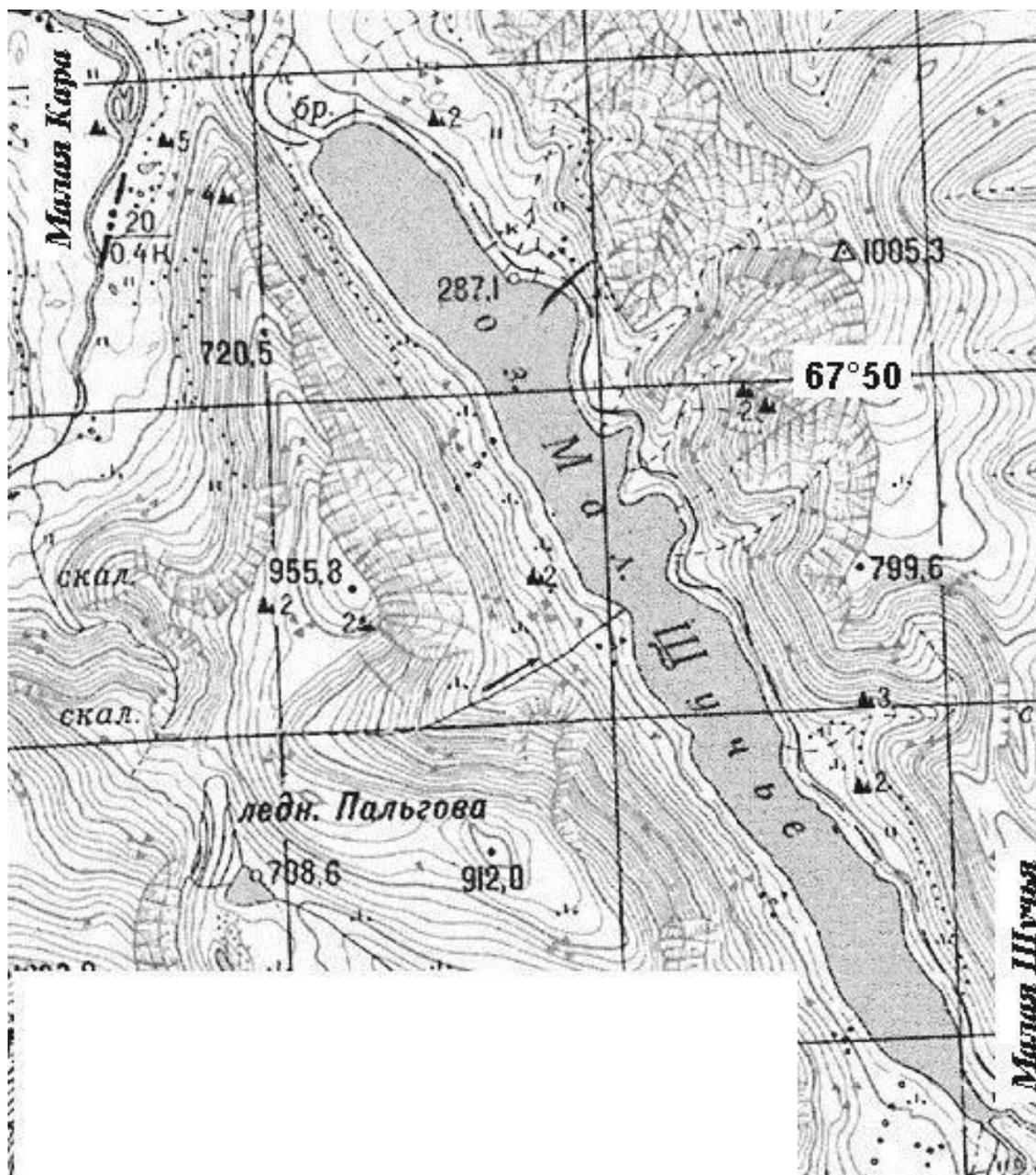
Принято считать, что если нет документов, то и говорить не о чем, но так ли уж совсем их у нас нет? Прежде всего, сами карты. Обе приведенные выше карты помещены в самых известных изданиях своего времени, а карта, если она надёжно датирована, есть основной документ исторической географии. И затем – на какие, собственно, документы мы могли бы рассчитывать? Отчёт капитана или штурмана? Вахтенный журнал? Но экспедиция вполне могла быть секретной (они таковыми были часто). Рассказы участников? Да, они неизбежны, но им редко верят и вскоре забывают.

Конечно, если бы капитан или штурман вернулся в Европу и отчитался перед хозяевами корабля и грузов, современники, вернее всего, узнали бы о его путешествии, даже секретном. Но ведь карта могла быть доставлена горсткой уцелевших неграмотных матросов и продана в портовом кабаке. Могло уцелевших не быть вовсе: русские поморы могли наткнуться где-нибудь между Енисеем и Обью на последний лагерь погибших и привезти карту в Россию. Похожее бывало (см., например, [Магидович, 1967, с. 227]).

А может быть, Таймыр попал к западным картографам из морских карт Китая, до нас не дошедших? Вряд ли: как раз к востоку от Таймыра на всех названных картах очертания

берегов совершенно фантастичны, то есть китайцы там, вернее всего, не плавали. Но, может быть, китайцы спустились по одной из двух рек до моря и поднялись по другой? Идея выглядит безумной, но фактически мне возразить на неё нечего – китайцы и не такие чудеса выделявали. Например, они уже 900 лет назад знали, что на севере есть пролив, отделяющий их страну от более восточного материка (см. Прилож. 1). Они же, надо полагать, доставили на Камчатку античные монеты [Марков, 1949].

Русские (точнее, новгородцы) давно проникли за Уральский хребет и вскоре же увидели низовье реки Обь. Она впервые упомянута в новгородской летописи за 1365 год. Через 134 года, в 1499 году, туда совершили набег уже двое московских воевод. Так что автор карты 1 мог вернуться в Европу по суше, пристав к русским стрельцам, купцам, охотникам или сборщикам дани. Он впервые дал верную ориентацию Полярного Урала на северо-восток, но ещё сто лет картографы располагали Уральские горы широтно (как Рифейские горы античности) или, в лучшем случае, на северо-запад. На самом деле так простёрт хребет Пай-Хой, ибо (полагаю) его видели поморы и их западные попутчики (имевшие компас), проходившие мимо него как морем, так и сушей.

Самый древний, до Ивана Грозного, известный волок через Урал по рекам (есть короче, но по ручьям) из р. Кары в р. Щучью (сторона квадрата: 4 км.)

Самый старый (ещё до основания Архангельска при Иване Грозном) морской путь на Обь проходил, вернее всего, от устья Двины до устья Кары по морю, затем вверх по Каре (кочи оставляли здесь, вверх шли в лодках) и далее в реку, впадавшую в Обь [Буцинский, с. 10].

Широты всех объектов на карте 1 сильно завышены, кроме трех: это устье Оби (широта определена точно: 73°), Байдарацкая губа, а также устье Енисея. Чем дальше от этих мест, тем более карта приобретает характер распросной. Возможно, автор карты сам видел Байдарацкую губу и устье Енисея (их широты завышены слабо). Остальное он мог узнать только из расспросов, что вполне возможно, поскольку арктический берег был тогда заселён (опустел он позже).

О том, как шло такое общение, мы знаем от англичан, появившихся в Русской Арктике через полвека, а затем от голландцев. Последние особенно быстро находили общий язык с русскими, а с «самоедами» (ненцами) они умели общаться только через русского переводчика.

6. Первые успешные зимовщики

Сложнее вопрос с картой 2: что это за отчаянные люди, которые, увидав после долгого скитания среди льдов сушу, двинулись мимо нее дальше, на юго-восток? Иначе, не открыть бы им реку и озеро. Опять помогает историческая параллель: именно так через 30 лет поступил Баренц – обогнув север Новой Земли, он продолжал путь «в Китай», и только наступавшая зима заставила его искать гавань для зимовки.

Если неведомый корабль обогнул мыс Арктический и двинулся далее, то, надо полагать, искал место для безопасной стоянки, где была бы речка, достаточно крупная, чтобы наполнять пресной водой бочки (неважно, собирался ли он зимовать тут, возвращаться назад или же намеревался плыть дальше). Первым таким местом является залив, в который выходит фьорд Матусевича (на карте 3 он хорошо виден к западу от мыса Берга), причем ныне подходящих озёр тут даже два – река Ушакова с небольшим (12 × 3 км) озером посреди неё, а к югу от неё – озеро Фиордовое (15 × 12 км), показанное на карте 3.

Более никаких следов этого плаванья карта Ортелия не содержит – видимо, корабль вернулся назад в Европу тем же путем, каким прибыл. Но прибыл он в конце лета или осенью, следовательно, должен был здесь зимовать. О возможных подробностях открытия озера и зимовки см. [Ч-3]. Если спросят, почему восточный берег полуострова на карте 2 спустился до средних широт. Тут ответить несложно: это – дань картографу тогдашней новейшей моде, моде на СВ-проход. Все, кто верил в возможность прохода, исходили из убеждения, что за Скифией сразу следует Китай.

Такая у меня версия. Сознаюсь, в ней много додумано путем вставки серийных фактов (об этом понятии см. Пролог), но она представляется мне более разумной, чем привычный отказ от анализа или ссылка на фантазию картографов. Ведь если отрицать существование всех непонятных сведений потому лишь, что они непонятны, то никакой науки не будет.

Так или иначе, налицо факт сбора географической информации задолго до появления географических текстов, и замалчивать этот факт грешно.

7. История и климат

После сказанного неизбежен вопрос: если около 1500 года было можно пройти из Европы до Северной Земли и вернуться, то почему никто больше никогда не сделал ничего похожего? По сути, ответ уже дан – вскоре изменился климат. Баренц плывал в те последние годы, когда льды еще это позволяли. Уже ему не удалось обойти Новую Землю с юга¹³, но с севера, где заметнее роль Гольфстрима, море еще было открыто. Затем и туда не мог попасть никто, хотя попытки велись еще долго, до 1676 года [Боднарский, 1926, с. 40–45]. Причина выяснилась только в наше время – это LIA, т. е. общее похолодание Севера, имевшее место с XIV до середины XIX века. Короче, средневековое потепление сменилось похолоданием.

Почти никто в то время не заметил LIA, а кто заметил (напр., англ. капитан Джон Перри, недолго служивший при Петре I – см. **Прилож.** к Очеркам 3 и 4), почти никем не был услышан. Неизвестный автор XVIII века приписал прекращение мореходства между Леной и Колымой появлению там лошадей:

«Около 1680-го году перешло великое множество якутов сверх Яны-реки на Индигирку, а после и на Колыму, и понеже некоторая часть оных также и лошадей и рогатого скота с собою пригнали, то [...] служилые люди туда и обратно стали ходить только сухим путем» [Туголуков, с. 31].

Не изменил дела и расцвет теоретической географии в XIX веке: запустение Арктики толковали просто как следствие причин экономических. Так,

«Уже в конце XVI ст. по Мурману проходило до 30000 русских промышленников. Мурманские рыбные промыслы особенно процветали с середины XVI ст. до середины XVII ст.; введение взимания десятины с промысла и пошлины с иностранных судов повлекло за собою быстрое их падение» (НБЕ, т. 27, с. 526).

Забавно, что наш историк объяснил упадок мореходства «дороговизной» кочей (хотя именно дешевизна их и морского пути вызвала их к жизни):

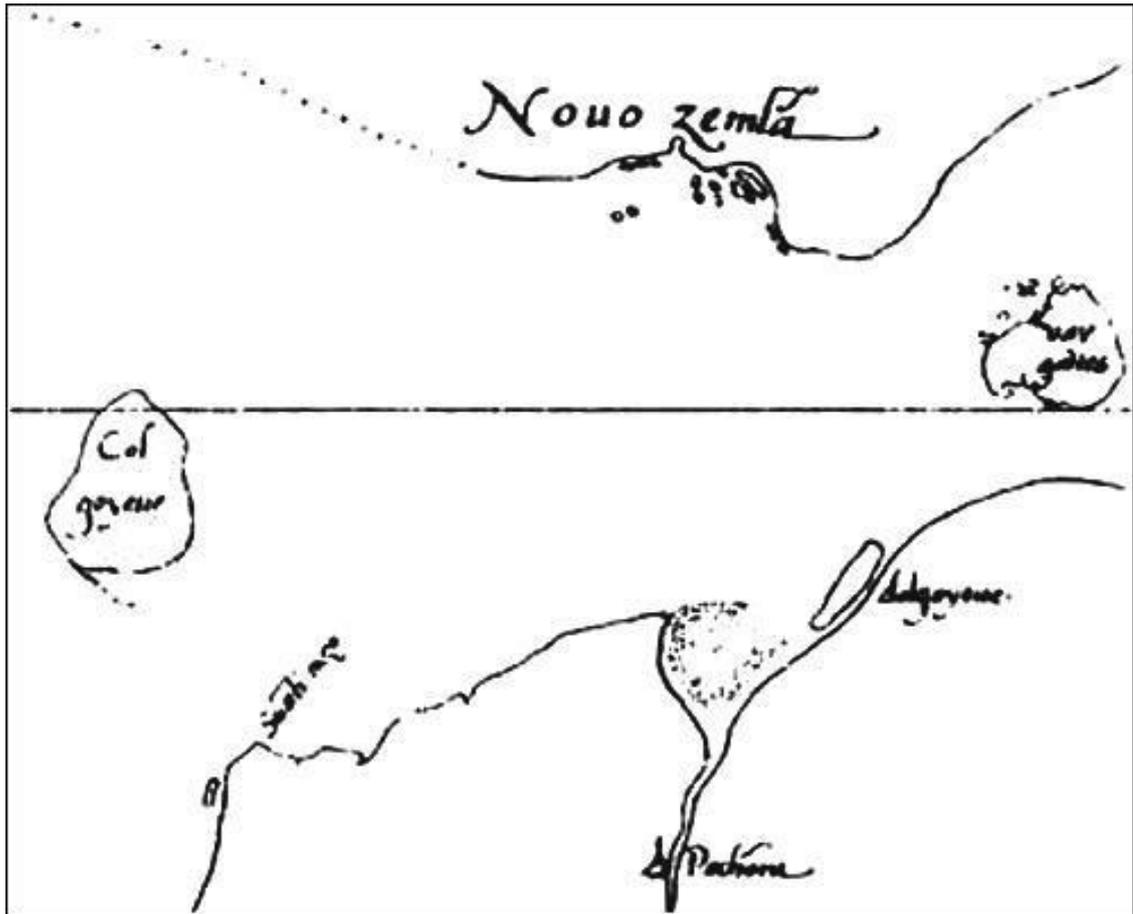
«Интенсивный хищнический промысел привел к сокращению добычи соболей. Доходы казны резко упали [...] строительство новых морских судов, особенно дорогих кочей, стало свертываться и к началу 1680-х гг. было полностью прекращено» [Полевой, 1997, с. 40].

* * *

LIA, как и настоящие (геологически долгие) ледниковые периоды, начался с похолодания северо-востока Канады, которое постепенно распространялось на восток. Это явление как общепланетарное видно на приводимом графике: восток отставал от запада. Запаздывание закончилось к 1500 году, но в рамках самой восточной (евразийской) Арктики запаздывание похолодания продолжалось и позже: с Лены на Колыму регулярно плавали еще полвека после последнего плавания с Оби на Енисей – см. следующие очерки.

---

¹³ В Карское море тогда проходили исключительно через узкий Югорский Шар, так как широкие Карские Ворота были закрыты льдами давно и наглухо. См. далее.

Карта 5. Фрагмент картосхемы Барроу (1556).

Видны юг Новой Земли, острова Колгуев и Вайгач (отделен от Новой Земли широким проливом), а внизу устье Печоры

А именно, сперва прекратились плавания викингов через северную Атлантику, затем Англия (где прежде растили даже виноград) стала страной рискованного земледелия, потом похолодание охватило север Восточной Европы и двинулось по Арктике на восток. Похолодание легко проследить на примере ухудшения пути из Баренцева моря в Карское.

Карта 6. Пролив Югорский Шар на карте Баренца
Вайгач показан не отдельным островом, а южной частью Новой Земли

В середине XVI века русские поморы плавали из Белого моря в Обь напрямую, через Маточкин Шар (пролив, рассекающий Новую Землю) [Берг, 1949, с. 92], и тогда же англичанин Стивен Барроу показал (карта 5) остров между Новой Землёй и материком (Вайгач). Однако через 40 лет, для Баренца и его спутников, это место выглядело совсем иначе (карта 6): о Маточкином Шаре нет и упоминания, а Вайгач они сочли южным берегом Новой Земли.

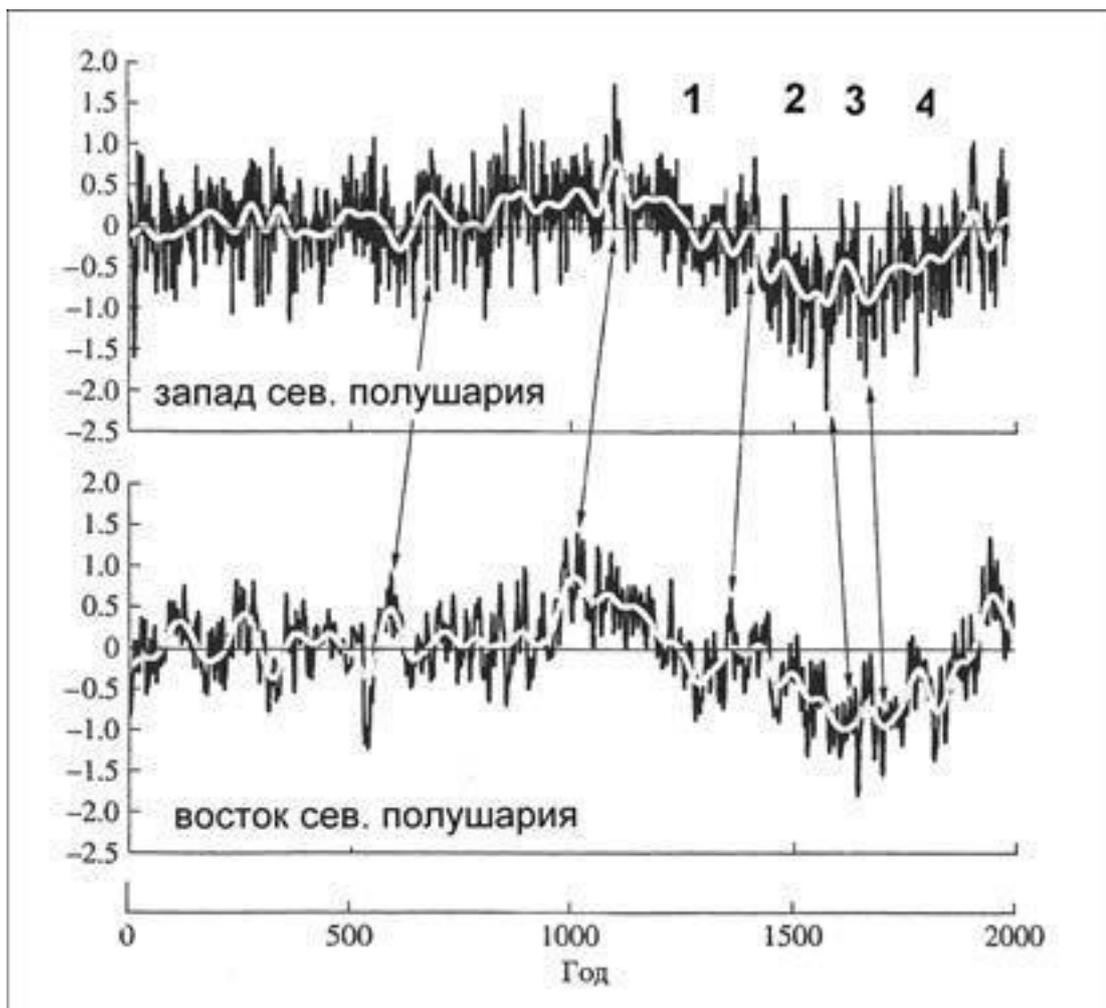
Вскоре голландец Исаак Масса, исследователь любознательный и хорошо образованный, разъяснил суть дела: на его карте (см. карту 8 на отдельной странице) пролив между Новой Землей и Вайгачом (Карские Ворота) есть, но перекрыт льдами. Что касается Югорского Шара, то Масса в 1612 году писал о его непроходимости в восточной части, забитой льдом, что в том же году было, по его словам, установлено голландской экспедицией [Алексеев, 1941, с. 265].

На самом деле Югорский Шар тогда ещё пропускал суда в более тёплые годы, поскольку он невелик и его согревает пара рек, текущих с юго-востока (Бол. и Мал. Ою). А затем, через сто лет после Барроу, врач Пьер-Мартэн Ла Мартиньер показал (карта 7) на месте Вайгача и Югорского Шара лишь залив «Veigatz». Европейская Арктика уже отделена здесь от азиатской.

В азиатскую Арктику ЛИА пришел несколько позже, и русские плавали там несколько дольше: как мы увидим далее, в 1600-е годы они ещё попадали по Ямальскому волоку в Обь, однажды добрались до Енисея, а один енисейский мореход даже прошёл в 1611 году из Енисея в Пясину.

В восточной же Арктике, как уже сказано, русские плавали до 1660-х годов (см. Очерк 5), хотя плаванье между Леной и Колымой всё чаще требовало зимовки на Алазее. Последнее успешное плаванье к мысу Шелагскому надёжно зафиксировано в 1662 году (Иван Рубец в одно особо тёплое лето прошёл сюда от устья Лены), после чего общение между главными реками стало возможным только сухопутное с частью пути по притокам, в основном зимнее.

Не осознавая ухудшения климата, в 1730-х годах петербургская власть предписала морякам пройти по частям весь СВ-проход, о чём будет речь в Очерке 4.

Изменения среднегодовой температуры северного полушария за 2 тыс. лет (в градусах Цельсия) [Даченко, Сонечкин, 2009]. 1–4: минимумы солнечной активности. Белая линия: средние за 5 лет С конца X века по начало XIII видно потепление, с середины XIII до середины XIX века похолодание – Малый ледниковый период (LIA). До 1500 года события на севере восточного полушария (т. е. в Евразии) отстают от событий западного

Далее устья Колымы удалось пройти совсем недалеко, до мыса Бол. Баранов (Дмитрий Лаптев, 1740 г.).

Затем отчаянную попытку совершил купец Никита Шалауров уже при Екатерине II, в 1762–1764 годах, в годы краткого потепления. Отчаянному купцу удалось пройти за мыс Шелагский до устья реки Пегтымель, где корабли были затёрты льдами¹⁴. После него сколько-то дальние плавания в Арктике стали считать невозможными, а в те места, что он, ещё сто лет, до самого Норденшельда (1878 г.), попадали только в санях.

¹⁴ 1762 г. был очень тёплый, и мореходы смогли вернуться от Шелагского мыса назад, на Лену, а в 1764 г., умеренно тёплым (см. [Christiansen, Ljungqvist, график 42]), не смогли. Мыс, где была найдена их вероятная зимовка, Фердинанд Врангель назвал «Шалаурова Изба» (карту см. в Очерке 5, на с. 131). Сам купец, вероятно, ушёл с частью команды на запад и погиб западнее устья Чауна.

Карта 7. Карта Ла Мартиньера, 1691 по данным плавания 1655 г. Новая Земля показана частью Гренландии. Вайгач показан заливом Veigatz

При Николае I не удавались даже плавания от Архангельска до Печоры. Однако уже при Александре II стало заметно потепление, и именно оно позволило вновь начать морское освоение Арктики, прерванное лет на 250. Впрочем, потепление тоже заметили немногие, о чём речь будет позже.

Что касается причин ЛИА, то их, уже признав само явление, поначалу тоже не понимали. Например, океанолог Жан-Клод Дюплеси увидел причину в изменении циркуляции вод Мирового океана, которая по своей неустойчивости подобна погоде, только протекает гораздо более медленно. Он заключил: «Малый ледниковый период... вероятно можно приписать капризу океана» [Duplessy, 1997, с. 56]. Правдивее было бы сказать, что причина долго оставалась неизвестной, а это, несомненно, мешало признанию самого факта ЛИА. Ныне причин ЛИА видят несколько, главной же полагают изменение солнечной активности [Даценко, Сонечкин, 2009; Christiansen, Ljungqvist, 2012]. Вопрос, однако, далёк от разрешения.

В наше время твёрдо установлено сокращение ледников Альп и Арктики в течение последних сорока лет, а с тем и общее потепление северного полушария. Для него оказалось достаточно повышения среднегодовой температуры всего на полградуса. (В настоящее время превышение составляет 1 градус и более, в сравнении с периодом 1950-1970-х гг., принятым за норму. Впрочем, XXI век начался некоторым понижением температуры сев. полушария.)

Анализ донных осадков озера Изменчивое на Северной Земле (см. карту 3) подтвердил долгое похолодание именно там. Ещё 700 лет назад там было летом намного теплее, чем ныне, порою на 3,5 °С, но «около 400 лет назад вследствие похолодания увеличилась площадь оледенения», и, между прочим, «р. Озёрная стала вытекать из оз. Фиордового» [Большиянов, Макеев, 1995, с. 191]. До этого она впадала в него, что как раз соответствует карте 2.

Тем самым, неведомый картограф не лгал и не измышлял: действительно, 500 лет назад проплыть к Северной Земле было можно, и выглядела она приблизительно так, как на его карте. Другое дело, можно ли быть уверенным, что общие данные об изменении климата Арк-

тики можно прямо относить к конкретному месту. Известно, например, что общее потепление в последние 80 лет сопровождалось заметным похолоданием на станции «Мыс Челюскин» (среднегодовая температура упала на 2 °С) [Романенко, Шиловцева, 2004].

Для нашей темы очень важно понять, в какие годы пролив между Таймыром и Северной Землёй был годен для плавания, а в какие нет. Достоверно он был впервые пройден Норденшельдом в 1878 году, однако есть мнение, что ещё за 250 лет до него тем же путём прошёл неведомый русский корабль. Естественно, что сама возможность этого отпадёт, если будет доказано, что пролив в эпоху ЛИА не вскрывался. Мы займёмся данным вопросом в Очерке 2, а сейчас поговорим о другом СВ-проходе, ныне почти забытом.

8. По русским рекам – в Китай

Замечательно, что первый известный нам проект пути на Восток через российские воды был не морской, а речной. Около 1520 года в Москву прибыл генуэзский купец капитан Павел с письмом от римского папы к Василию III, сыну Ивана III. Папа предлагал России принять католичество, а сам Павел имел иную цель: он страстно искал путь в Индию через Волгу и Каспий. Вот как описал это в 1525 году Джовио, писатель, упомянутый в п. 2:

«Павел, человек с безумной и ненасытной душой, искал нового и невероятного пути для добывания благовоний из Индии... Он узнал по слухам, что благовония можно провозить вверх по реке Инду»,

а затем коротким сухим путём к реке Оке, которая якобы впадает в Каспий. Оксом в древности называли Аму-Дарью, которая тогда действительно впадала в Каспий, о чём ныне свидетельствует сухое русло Узбой. (Тем самым, Павел доверился отнюдь не тогдашним слухам, а античной географии, в те годы ещё господствовавшей.) Оттуда предполагалось плыть до «торжища Цитрахи» (Астрахань), затем вверх по Волге, Оке и реке Москве, а от Москвы до Риги – ехать сухим путём.

Карта 8. Исаак Масса. 1612. Северный берег России. Получена им в Москве не позднее 1609 г. Помещена, вместе со статьями Массы о России, в «Путеводителе по Московии». Его издал купец Хессел Герриц (H. Gerritsz. Amsterdam. 1612). Воспроизведена в сб. [Голландцы...]. На карте впервые отображена река Пясина (Peisina). Эта изумительная (как и карты Баренца) карта была кем-то из русских с риском для жизни скопирована в секретном московском архиве и передана Массе. Она стала, по всей видимости, единственной сохранившейся частью знаменитого «Большого Чертежа», вскоре сгоревшего вместе с архивом. Данная история поневоле наводит на размышления о сомнительности засекречиваний и о важной роли шпионов для сохранения культуры

Но мечтам Павла не суждено было сбыться – Василий III не пожелал открывать чужеземцам путь на Каспий, и Павлу осталось вернуться домой ни с чем. Он так и не узнал, что Каспий не принимает с юга и востока ни одной судоходной реки. Это удалось узнать через полвека английским купцам.

Зато Павел убедил Василия III послать в Рим ответное посольство, и вот в 1525 году русский посланник Дмитрий Герасимов поведал Западу о возможности другого пути в Индию – из Северной Двины на восток, Ледовитым морем (мы уже говорили об этом в п. 2). Так знаменитая идея СВ-прохода получила реальную форму. Откуда Герасимов взял эти сведения, неизвестно. Думаю, из какой-то западной карты вроде тех, о которых мы уже говорили.

Мысль о СВ-проходе постепенно овладела западными умами, однако по Двине никто плыть в океан не пробовал, все искали морской путь из Европы вокруг Норвегии. Мореплаватели полвека совершали попытки проплыть таким путем в сибирские воды, но безуспешно.

Один из английских кораблей в 1553 году нашёл вход в дельту Двины (командовал им Ричард Ченслер). Там он обнаружил два православных монастыря и отправился оттуда в Москву, к молодому царю Ивану (то был сын Василия III, ещё не ставший Грозным). Царь принял его с большой охотой, завязались торговые отношения, и англичане 6 раз плавали из Ярославля в Персию, один раз даже с небольшой прибылью (их, как и всех других, ограбили, но часть отнятого удалось вернуть) [Английские..., 1937]. Об этом можно прочесть во всех руководствах, например: [Магидович, 1967].

Английские и голландские корабли, плававшие далее Двины к острову Вайгач, учинили свои фактории не только на Двине, но и на Печоре, в Пустозёрске. Они вполне успешно обменивали там европейские товары на соболей и прочую пушнину. Это событие описано историками Арктики намного хуже, поскольку их больше занимают путешествия, чем хозяйство.

9. Западные корабли на Оби

Есть лишь два свидетельства о попадании западного корабля в устье Оби, причём оба раза корабль оказался там ещё до похода Ермака в Сибирь, и оба раза корабли погибли от рук местных жителей. Обычно пишут, что таковых кораблей никогда не было, но вот два свидетельства англичан, бывших в Москве в начале 1584 года, в последние месяцы жизни Ивана Грозного. Первому (это был купец Энтони Мерш) холмогорские мореходы сообщили:

«некогда ваши люди уже достигли названной реки Оби на корабле, который потерпел кораблекрушение, а люди ваши были убиты самоедами, которые думали, что те приехали ограбить их» [Скрынников, 1982, с. 178].

Второй автор (агент Московской компании Джереми Горсей) смог побеседовать с пленным царевичем Маметкулом (сыном или племянником сибирского хана Кучума), взятым в плен Ермаком:

«Я слышал от него, что в их земле были некие англичане или по крайней мере такие люди, как я, взятые ими с кораблём, пушками, порохом и другими богатствами за два года до того (как был пленён Маметкул – Ю. Ч.), когда они пришли по Оби, чтобы найти Китай через Северо-Восток» (там же).

Историк Руслан Скрынников верно отметил, что слова про Китай и северо-восток вряд ли мог сказать татарский царевич, что они, видимо, додуманы Горсеем (которого, вообще, историки полагают автором ненадежным). Но Скрынников ошибочно решил, что речь шла об одном и том же корабле. Он не заметил, что в первом случае корабль приходил когда-то давно и погиб, как и его экипаж, в земле северных жителей; тогда как во втором случае корабль прошёл на юг, во владения Кучума, и был взят в плен со всем его имуществом. Вот откуда, полагаю, у Кучума были пушки, которыми он не сумел воспользоваться (что известно из донесений Ермака).

Поскольку проход небольшого корабля через бар (мель в устье) Оби в принципе по полоой воде возможен, и поскольку сведений об истреблении второго экипажа нет, мы получаем два важных сведения.

Во-первых, это последняя (и единственная чётко известная) дата плавания вокруг Ямала в Обь до прихода ЛИА в Карское море, каковое, очевидно, удалось лишь в особо тёплое лето. Царевич

Маметкул сказал, что корабль был недавно, и мы действительно видим год сильного потепления как раз в 1582 году¹⁵. Остальные сведения гласят о плаваниях неизвестной давности.

Во-вторых, если кто-то со второго корабля смог вернуться в Европу и рассказать своим хозяевам о случившемся, то становится понятным переключение интереса англичан Московской компании с Оби (где разбой оказался хуже волжского) на Енисей, почти безлюдный в низовье и совсем неизвестный выше. Вполне естественно отсутствие печатных сведений об этой перемене ориентации англичан: если корабль вышел в плавание секретно, что было тогда обычно, то хозяин должен был держать в секрете и рассказ спасшегося. Замечу, что ни одному из тех западных кораблей, что вернулись домой, не удалось доплыть дальше западного берега Ямала.

---

¹⁵ Это мог быть только 1582 год [Christiansen, Ljungqvist, 2012, график 89].

10. И всё же СВ-проход действовал

Но СВ-проход был тогда в самом деле купцами открыт (пусть в некоем скромном смысле) и два десятка лет действовал, принося им доход. Речь идёт о плаваниях англичан и голландцев по Северной Двине, Волге и Каспию в Персию.

Размеры такой торговли были невелики, и заменить потерянную Нарву Архангельск не мог. Если за те 20 лет, что Россия владела Нарвой (1561–1581), туда прибывало до 300 кораблей в год, то в Архангельск, когда он стал морскими воротами России, туда приходило их не многим более 20 в год (СИРИО, т. 116, с. LXIV, LXX, XC). Для Московии и это было жизненно важно (так, в годы войны с Польшей Голландия поставляла в Россию через Архангельск порох и свинец), но никак не могло быть достаточным для западных купцов.

Со жгучим интересом расспрашивали они русских и ненцев о пути на восток, к Оби. Главным источником об этом служит сборник [Purchas], перевод нужных нам сведений из которого содержится в книге [Алексеев, 1941].

Поморы рассказывали, что не легко и не каждое лето, но доходят они морем до Ямала и, обогнув его, входят в Обь, а из неё попадают в место главного торга, Мангазею¹⁶. Что в холодное лето обогнуть Ямал по морю невозможно, зато туда можно попасть по рекам Ямала, через волок, но там проходят лишь малые кочи, берущие вчетверо меньше груза, нежели кочи большие.

Западных купцов данный путь не заинтересовал – им надо было входить в Обь на своих кораблях. Вскоре этот утомительный волок остался единственным морским путем в Мангазею, а лет через двадцать ЛИА пресёк и его.

Но вернёмся к западным мореплавателям. В 1580 году великий голландский картограф Гергард Меркатор писал, что лучший путь в Китай – через одну из рек, впадающих в море за Новой Землёй, ибо по ним можно проникнуть в Китай. Меркатор же предупреждал: «я полагаю, что великий князь московский воспротивится этому» [Алексеев, 1941, с. 174].

Однако он ошибся: Иван Грозный думал иначе, чем его отец: желая получать пошлину золотом и серебром, которых стране всегда решительно нехватало, он охотно допускал заморских гостей плавать вниз по Волге и даже снабжал охранными грамотами. Они мало помогали: во-первых, грабители грамот не спрашивали, а во-вторых, даже успешный проезд не обеспечивал успеха торгового. Дело в том, что среднеазиатские государства были заняты войнами, а не торговлей; персидские же владыки, охотно покупая английские товары и позволяя покупать свои, не пускали англичан дальше – ни в Индию, ни в Китай [Английские..., 1937].

И вскоре англичане запросились на иные реки – восточные. Как раз в 1580 году их представители в Холмогорах просили, чтобы царь разрешил торговать на Севере только им, да еще не всем, а лишь тем, у кого есть грамота от английской королевы. (Перечислили они и желательные им северные гавани, включая новое для московских дьяков название: Ызленди – СИРИО, т. 38, с. 48.) Предложение, что и говорить, наглое, но и англичан можно понять: Россия безнадежно увязла в Ливонской войне, позарез нуждается в английской помощи, а потому царю Ивану придется уступать.

Русские чиновники в Холмогорах так далеко не мыслили и даже обсуждать предложений не захотели. Они вернули письмо со словами: можете ли вы представить, чтобы Англия стала торговать с другими странами только через Россию? (там же, с. 49). Формально они были,

---

¹⁶ Основана Мангазея отнюдь не в 1601 г., как то принято писать, а около 1572 г., т. е. до завоевания Сибирского ханства Ермаком. Это показывает как анализ древесины построек [Белов, 1979, с. 212], так и свидетельство Горчакова (см. далее, п. 11).

конечно, правы, только вот Ливонскую войну Россия вскоре проиграла и выход к Балтике потеряла.

К вопросу удалось вернуться только в 1583 году, когда в Москву прибыл английский посол Джереми Боус и повторил прежние предложения (там же, с. 92). Но Россия уже проиграла войну, и царь не имел нужды в срочной помощи. Он перечислил английские пожелания, включая неведомую Бзленди, и подтвердил, что давать монополию одной стране ему невыгодно и нелепо.

Замечательно, что за этим сообщением в архиве следует справка (с. 94):

«Печора река в море впала. Мезень река в Двинском уезде в море впала. Ислендь река за Обью. Река Шум блиско Печенского монастыря а впала в море, Шарской реки, как у них написано, в переводе нет».

Как видим, в Москве уже знали, что Ислендь – не просто гавань, а река, но куда она впадает, еще не ведали. Судя по реплике: «в переводе нет», сведения получены у иностранцев, вернее всего, у тех же англичан (а они, как и голлагдцы, собирали сведения у русских поморов). Принято писать, что это – первое упоминание Енисея, однако оно с тем же успехом могло быть упоминанием общего устья рек Пур и Таз, ныне известного как Тазовская губа, поскольку первые верные сведения об устье Енисея получены в Москве лишь через три десятка лет. До тех пор словами «страна Енисея» именовалась территория бассейна рек Пур и Таз (см. **Прилож. 2**).

Так или иначе, о власти царя над упомянутой местностью не могло быть и речи: Ермак тогда едва держался на Иртыше и еще не дошел до Оби, которую предстояло еще долго покорять, а на севере Сибири вообще не было подчиненных Москве поселений – знаменитая Мангазея была тогда владением деловых людей Строгановых, сидевших в Сольвычегодске. В их владении продержалась она 29 лет, с 1572 по 1601 год, пока Борис Годунов не обратил ее в государеву собственность. Город стал крепостью, опорным пунктом в борьбе с местным населением, тогда еще воинственным.

Пишут, вопреки данным документов и раскопок, что Мангазея лишь в 1601 году была основана. А зря пишут, да и зря Борис ее отобрал: по всей видимости, Строгановы затаили обиду. Через 5 лет, когда царь Василий Шуйский в отчаянии (войско без жалованья таяло) запросил у них денег, обычно щедрые Строгановы, полагая себя в безопасности, прислали царю обидную малость. И поляки легко взяли почти беззащитную Москву. То был пик Смуты, но и закат самовластия Строгановых.

Писать об изъятии Мангазеи у Строгановых не принято, как и вообще о военном характере освоения Сибири. Лишь недавно стало возможным отметить, что

«в лучшем случае вольная колонизация могла бы привести к образованию нескольких русских поселений на севере Сибири, имеющих торговое и промысловое значение» [Пузанов, с. 382].

Таким поселением как раз и была тогда первичная Мангазея Строгановых. Чего же в такой ситуации добивались англичане?

Думаю, что монополия на торговлю по реке, никому не подвластной, была нужна им не сейчас, а на будущее – если река окажется ведущей в Китай. «Космографию» (географию) в Англии знали явно лучше, чем в Москве, и англичане, полагая, надеялись извлечь из российского акта о монополии такую же пользу, какую извлекли испанцы и португальцы из папской буллы, хотя папа не имел власти ни в Азии, ни в Африке, ни в Америке. Видно это намерение из дальнейшего поведения англичан. В начале 1584 года Боус, видимо, заметил¹⁷, что большой

---

¹⁷ Общение посла с царём шло через двух бояр-посредников, следивших друг за другом. Личная встреча царя и посла состоялась лишь однажды.

Иван совсем слаб, и стал вести себя менее учтиво. Невзирая на жёсткий ответ царя: «А о реке Оби да о Изленде реке да о Печере реке о тех урочищах им отказати» (СИРИО, т. 38, с. 95), – он продолжал настаивать на монополии.

Царя, однако, занимали тогда два иных вопроса: о союзе с Англией против Швеции и Литвы (дабы вернуть выход к Балтике) и о браке с английской принцессой (до этого он безуспешно сватался к самой королеве, Елизавете). Ни то, ни другое уже не было возможно, и Боус умело уходил от обоих вопросов¹⁸. С завидным упорством он продолжал твердить – сперва монополия, а затем всё остальное. Переговоры зашли в тупик, царь вскоре умер, и Боус уехал ни с чем.

* * *

Зато англичане впоследствии с успехом использовали Смутное время (когда окраины жили сами по себе), основав факторию в Пустозёрске (низовье Печоры), где активно собирали сведения про Обь и Енисей. Их донесения служат нам (наряду с голландскими – см. **Прилож. 3**), основным источником об освоении русскими устьй этих рек.

Но если русский язык английские агенты кое-как знали, то с местными жителями они могли общаться только через русских толмачей, и донесения вышли невразумительные. По-видимому, один лишь Лев Берг, наш знаменитый географ, сумел понять, что в них перемешаны верные сведения о двух различных путях на Обь (вокруг Ямала и поперек Ямала), а также о морском пути в Енисей [Берг, 1949, с. 92].

Добавлю, что в донесениях англичан сведения о нижнем Енисее перепутаны со сведениями о среднем и даже о верхнем (точнее, о Енисее предгорий южных гор), чего Берг, видимо, не заметил. Для истории полярных исследований рассказы о верхнем Енисее несущественны, но для нашей темы тоже важны: ведь англичане искали путь в Китай. И если не о самом Китае, то о китайцах, об их присутствии в Средней Сибири, им в Пустозёрске кое-что сообщали.

Анализ этих донесений – отдельная трудная работа (см. **Прилож. 4**), нам же здесь достаточно упомянуть то, что относится к теме СВ-прохода. Читая донесения, надо иметь в виду, что в беседе с ненцами через русских толмачей англичане не всегда могли различить существенные подробности – например, выражения вроде «она течёт с юга» и «по ней можно попасть на юг».

Наиболее интересное сообщение послал в Лондон Джосиас Логан [Алексеев, 1941, с. 216–219]. Он знал только один путь из Баренцева моря на Обь – путь вокруг Ямала. А именно, от острова Вайгач.

«пять или шесть дней плавания... держа курс все время на северо-восток до места, где с правой стороны песчаная гряда вдаётся в море на три мили... От этого места нужно держать курс немного более на юг и плыть еще пять или шесть дней; тогда вы придете к реке Оби».

Поясню: информатор Логана плыл от Югорского Шара к северной оконечности Ямала (мыс Скуратова на западе песчаной гряды), плыл от Югоского Шара открытым морем напрямик, что в 1600-е годы было уже невозможно, (этот путь остальные мореходы, видимо, молодые, даже не называли). Устьем Оби он полагал нынешний вход в Обскую губу. Это было заманчиво.

Далее, один русский помор говорил Логану о Енисее:

---

¹⁸ Так, Боус весьма тонко намекнул, что после убийства Иваном сына ни одна англичанка к нему не поедет; а на заявление царя о желательности возвращения ему Нарвы ответил едким вопросом: «а у г(осу)даря то изстари ли ево вотчина?» Вопрос был столь недружествен, что бояре, видимо, даже побоялись точно передать это царю (судя по бесцветному его ответу). Совсем враждебным было заявление Боуса о том, что ему приказано возвращаться одному, без ответного посольства, и оно опять было, видимо, передано царю смягчённым.

«На расстоянии пяти или шести дней плавания к востоку от Оби имеется ещё река, такая же большая, как Обь. Она очень глубока и течёт с юга, но протяжение её еще неизвестно... С восточной стороны в неё впадает другая река, называемая Тунгуской, и народ, живущий на ней, называется также тунгусами. Потому я полагаю, что она недалеко от города Тангут в Катае. Эти тунгусы говорят, что есть ещё другая огромная река, которая течёт на юг и которую полоса земли отделяет от Тунгуски. По той реке ходят большие корабли, похожие на русские, имеющие много мачт и пушек... Эти корабли принадлежат, по-видимому, китайцам, которые торгуют там летом и возвращаются до наступления зимы».

Если вспомнить, что русские малые кочи несли по одной мачте и большие – по две, а пушек не несли, тогда как китайские джонки бывали многомачтовые и многопушечные, то очевидно, что похожими на русские в самом деле названы китайские суда. Тогда неназванной рекой могла быть только Ангара, по которой китайцы (попав на неё с Селенги через Байкал) возили тогда свои товары на Енисей и далее, через волоки, на Обь¹⁹.

Назад китайцы везли, в основном, соболей, которых сбывали как в самом Китае, так и в торговле с купцами Западной Европы. Вверх суда шли бечевой, но откуда и куда, информатор не знал [Purchas, с. 194; Алексеев, с. 239]. Это свидетельство также говорит в пользу Ангары, быстрое течение которой не даёт плыть по ней вверх ни под парусом, ни на вёслах, ни шестами.

Как видим, реальный путь в Китай был-таки указан, но, увы, никто даже не пробовал им пройти. ЛА обогнал англичан как минимум лет на 70.

Просьба англичан к Ивану Грозному допустить их в устья сибирских рек была последней: при Годунове и последующих правителях иностранные агенты вели разговоры только о Волге. В годы Смутного времени иностранные купцы прочно освоили путь из Архангельска на Ярославль, по Волге и Каспию, а по окончании Смуты русское государство оказалось столь слабо и столь зависимо от иностранной помощи, что не могло запретить чужеземным купцам плавать. Они не только свободно там плавали, но и строили свои корабли.

Тем удивительнее, что в русской литературе жило и живёт уверение, будто в 1619 году царь Михаил Фёдорович запретил иноземцам плавать в Обь. И не морем, на кораблях (такой запрет ещё можно бы понять), а через Ямальский волок, где корабли не проходят. Естественно, что на «запрет» иноземцы никак не отреагировали – видимо, о нём так и не узнали. Но обо всём по порядку.

---

¹⁹ Около 1610 г. в Сургуте (острог на средней Оби) торговали приезжие из Китая [Алексеев, 1941, с. 284]. Оттуда в Россию их товары везли уже русские купцы.

11. Ямальский волок

Итак, в конце XVI века похолодание закрыло морской путь вокруг Ямала, так что главным стал путь на Обь через Ямальский волок. Кроме него, существовал прежний сухой путь «через Камень», которым шли из Московии. Для поморов и для купцов с иностранных кораблей он был слишком долог и разорителен, однако по мере того как пролив Югорский Шар пропускал корабли всё реже, купцы были вынуждены переходить на сухой путь. От Архангельска они плыли морем только до Печоры, а затем шли по ней к «чрезкаменному» пути. Об этом пути поведал князь Пётр Горчаков²⁰:

«А про Монгазейский ход (Горчаков – Ю.Ч.) сказал: как де он был в Березове, и то де от торговых людей слышал, что в Монгазею хаживали торговые люди на Пустоозеро от Архангилского города», причем про морской ход «и про Немец не ведает и ни у кого не слышал» (РИБ, стл. 1069).

Было это в 1590-х годах. Тем самым, в то время в Берёзове (на реке Сосьве, у впадения её в Обь) знали купцов, прибывших сюда через Пустозёрск, но не знали про путь с Обской губы. В те годы Горчакову могли говорить про Мангазею только как про частное владение Строгановых²¹.

В 1903 году московский зоолог Борис Михайлович Житков (не путать с Борисом Степановичем Житковым, детским писателем сталинской поры, тоже иногда писавшим о животных) заинтересовался Ямальским волоком. Он собрал о нём сведения, высказал первые суждения [Житков, 1903], и нам стоит последовать за ним.

Путь с запада шёл от моря по речке, носившей тогда имя «Мутная», вытекавшей из озера Нейто, затем посуху через песчаную перемычку «в полверсты» до озера Ямбуто, откуда по речке, носившей тогда имя «Зелёная», в Обскую губу (которую тогда называли низовьем Оби). Если путь вокруг

Ямала занимал неделю-две (смотря по погоде), то через волок 6–7 недель и был очень трудоёмок. Пройти мог только караван малых кочей (не менее четырех, поскольку каждый коч тянули все вместе), бравших по 400 пудов груза (вчетверо меньше большого коча). Волок хорошо виден на карте Массы (см. выше). Путь этот известен нам по единственному донесению о проходе в 1602 году (РИБ, стл. 1087–1091). В нём участник волока Лев Шубин рассказывал:

«река Мутная невелика, через мошно перебросить камнем, а река мелка, в грузу кочи не проходят, а дожидаются с моря прибыльные воды».

Затем артельщики (40 человек на четырех кочах) «тянулись бечевою двадцать день и дошли до озер». Тут стали разгружать кочи в павозки (лодки), бравшие по 40 пудов. Кочи волокли пустыми на канатах по мелководью и «паточине» (жидкой грязи) до сухой перемычки. Посуху канаты тянули с помощью воротов, вкопанных в песок, подкладывая катки под плоское дно судна. Павозки тоже волокли пустыми, «и тем волоком запасы носили на себе на плечах», так что полверсты отняли 5 дней. Затем двинулись по речке Зелёной.

«Зелёная река меньше Мутные да и мельче; и шли они на низ Зелёною рекою, повозили запас в павозках, а кочи тянули порозжие всеми людьми день с десять».

²⁰ Пётр Иванович Горчаков, в 1593 г. воевода в г. Пельым за Уралом (АР-1, с. 202).

²¹ Она располагалась на левом берегу реки Таз, чуть южнее Полярного круга, напротив устья реки Мангазеи. Город Мангазея оказался недолговечен, но местность продолжала быть обитаемой. Чуть южнее устья Мангазеи, на правом берегу Таза, ещё десять лет назад был жив посёлок Сидоровск (в честь замечательного сибирского предпринимателя Михаила Константиновича Сидорова). Ныне на его месте лишь опора ЛЭП.

Везли муку, крупу, соль, мёд, свинец, порох, посуду и другие русские и западные товары. Между прочим, однажды провезли в Мангазею и голландские колокола для церкви. Кто вёз и каким путем, неизвестно, но полагаю, что басовый колокол везли всё-таки морем, а значит, раньше 1590 года. Обратный путь был сам по себе ещё труднее, но грузом была пушнина, а она гораздо легче.

В 1908 году Житков отправился на Ямал и нашёл волок. Река Мутная (ныне Мордыяха), впадающая в Карское море, течёт из озера Нейто, тогда как из соседнего с ним озера (ныне Нейто 1-е) вытекает река Зелёная (ныне Сёяха, что значит просто «текущая из озера»; рек с таким названием много), она впадает в Обскую губу.

«Озёра эти разделяются небольшим перешейком-волоком, узкая часть которого достигает всего 87 сажень, и посередине его лежит совершенно круглое, в 40 сажень диаметром, озеро, которое самоеды называют Луце-Хавы-то, в переводе "озеро, где умерли русские". Самоеды считают озеро святым, но не умеют уже объяснить происхождение его названия» (АР-2, с. 596).

Название поразительно, хочется снять шапку: тут умерли те, кто, надо полагать, шёл Ямальским волоком в последний раз. Разумеется, ЛИА надвигался постепенно, но кто-то же должен был оказаться последним. Из донесений видно, что никто не сознавал перемены климата, все надеялись, что за необычно холодным летом последует теплое, а вышло иначе. Пришел лютый холод, какого прежде не видывали и о каком не слыхивали. ЛИА вступал в права в полной мере.

Кстати, посреди перемычки Житков нашёл короткий столб от древнего ворота. Он торчал тогда уже 300 лет – у Арктики долгая память.

12. Тобольский Герострат

Когда ямальский путь перестал существовать? В 1619 году он был царским указом запрещён, и потому (как пишут) вскоре погибла и Мангазея, «златокипящая государева вотчина». История запрета столь нелепа для здравого смысла, что до сих пор не получила сколько-то серьёзного объяснения. Она почти целиком известна нам из одного источника – переписки тобольского воеводы князя Ивана Куракина с царём Михаилом Федоровичем (РИБ, блок документов 254, стл. 1049–1095) и, если кратко, состоит в следующем.

В 1616 году Куракин обратился к юному царю с челобитной, где выражал испуг по поводу возможного прибытия «немцев» из Ледовитого моря в Енисей. Ямальский волок он полагал, наоборот, главным и самым желательным путём на Мангазею, тогда как енисейский путь предлагал запретить. Возникла трёхлетняя переписка, главным итогом которой оказался (трудно поверить) запрет именно Ямальского волока.

Поскольку инициатором переписки был Куракин, историки Арктики дружно приписали гибель Мангазеи ему, и кто-то даже назвал Куракина тобольским Геростратом [Скалой, 1951, с. 40].

Переписка прелюбопытна и сильно напоминает беседу Афрания с Пилатом в романе Михаила Булгакова – документы явно означают совсем не то, что в них написано. Есть, правда, важная разница: Пилат вёл беседу сам, тогда как юный безвольный царь подписывал чьи-то письма. Авторов царских писем было, как минимум, двое. Трудно, например, поверить, что автор, предлагавший, от имени царя, устроить пашни на ледовом берегу (РИБ, стл. 1057–1058), был тот же, что в остальных текстах, вполне реалистичных.

В наше время стало ясно, что Мангазея была обречена погибнуть, так как замёрзли пути к ней (не только через Ямал, но и с юга, из Оби), по которым город снабжался хлебом и всем прочим (подробнее см. [Клименко и др.]). Однако современники этого не знали.

Гибель Мангазеи интересна в двух смыслах: как факт из истории России (борьба разных бюрократий за влияние, губящая тот объект, за который чиновники борются) и как факт из истории Арктики (продвижение ЛИА в первой трети XVII века). Первый смысл требует большой отдельной работы. Тема была и остаётся весьма актуальной для России, и тому, кто захочет разгадать ребус с запретом Ямальского волока, могу предложить в **Прилож. 5** краткий анализ переписки Тобольска с Москвой в качестве основы для поисков.

Здесь скажу лишь, что поведение тобольских властей вскоре же показало их подлинную цель, весьма далекую от прежде заявленной. А именно, в 1620 году Куракин добился запрета свободно торговать в Мангазее вином и мёдом, дабы вся выручка шла в Тобольск. Мёд был единственным в тех местах противоцынготным средством, и началась массовая цынга. А в 1622 году тот же Куракин обратился в Москву с просьбой запретить тобольским купцам закупать хлеб для Мангазеи. Безвольный царь (точнее, его волевой отец) этот экономически и чело-вечески преступный акт тут же утвердил (РИБ, стл. 1132). Тем самым, Тобольск начал (с согласия Москвы) ликвидацию Мангазеи открыто, и она вскоре захирела, а затем, уже после смерти Куракина и Филарета, погибла. Кстати, после смерти отца царь вновь разрешил ввозить мёд в Мангазею и иные сибирские города. Подробнее см.: [Буцинский, 1999, с. 35–37].

Но, как ни относиться к «подвигу» Куракина, именно благодаря ему соболь в Мангазейском крае сохранился: он и через 300 лет числился пятым по значению меховым зверем – после белки, лисы, горноста и зайца, но впереди колонка, бурого медведя и дикого оленя (АР-2, с. 370). А в остальной Сибири соболь к тому времени исчез как объект промысла почти или вовсе.

Что касается второго смысла переписки, то она дополняет малоизвестную совокупность сведений о том, как ЛИА вытеснял мореходов из Арктики.

Прежде всего, следует сказать про закрытие пути вдоль западного берега Новой Земли, в зоне действия Гольфстрима. Уже через 20 лет после плаваний Баренца оказалось, что поморы не могут проплыть к её северной части и уверяют, что нет пути далее середины её северного острова «великих ради непроходимых льдов» (РИБ, стл. 1064). Вот почему в 1608 году Генри Гудзон не смог проплыть от Новой Земли к Югорскому Шару, хотя вдоль южного берега Баренцева моря поморы в это время регулярно плавали и входили в Югорский Шар. О последних (1607 г. и позже) попытках открыть СВ-проход англичанами, голландцами и датчанами см. [Purchas, том 13, с. 7 и далее].

По Карскому морю, где Гольфстрима нет, в 1600-е годы плавание удавалось лишь в удачные годы и лишь вдоль южного берега. Достичь устья реки Мутной, как правило, ещё удавалось. Вот что докладывали царю в 1617 году:

«К устью Мутные реки приходят на Успенев день и на Семён день, а коли де Бог не даст пособных ветров и время опоздает, и тогда все коми ворочаются в Пустоозеро; а коли захватит на Мутной или на Зелёной реке позднее время, и на тех реках замерзают, а животишка свои и запасы мечут на пуге, а сами ходят на лыжах в Берёзовский уезд» (РИБ, стл. 1063).

И это до запрета. Немудрено, что через 5 лет после запрета царские посланцы не могли поставить на волоке заставу (для чего надо было доставить лес из Обской губы), а вскоре – и отыскать в снегу, всё лето лежавшем, сам волок.

О возможности плавания морем вокруг Ямала помнили (и в 1611 г. рассказали англичанам, см. выше) лишь некоторые – видимо, старики. О том, что около 1580 года можно было из Архангельска проплыть через Маточкин Шар и Карское море напрямую к северной точки Ямала [Берг, 1949, с. 90], в 1611 году уже не помнил никто. Так что «тобольский Герострат» старался явно зря. А вот из Енисея в том же самом году плавание в Пясино ещё удалось – видимо, оно было последним удачным перед воцарением ЛИА (см. **Прилож. 6**).

Что касается пропавших, то следует вспомнить Ивана Толстоухова. Он отплыл в 1686 году вниз по Енисею, прошел в Енисейский залив, оставил там крест с надписью и пропал без вести. В ходе ВСЭ было найдено зимовье в устье Пясины, которое называли «зимовьем Толстоухова», а много дальше, ближе к устью Нижней Таймыры, нашли древние костры («старое огнище») без следов зимовки, которое тоже можно связать с Толстоуховым – см. карту на с. 32. Подробнее см. [Белов, 1969], гл. «По запретному пути».

13. Попытки освоить СВ-проход и открытие океанского пути

Безуспешные попытки открыть и освоить СВ-проход совершались и в середине ЛИА, но только государством. При Петре I они велись через реки [4-10], а при Анне Иоанновне снова через моря (Очерк 4). Затем плавания на восток из Европы совсем заглохли, но едва стало заметно потепление, возобновились. Сперва поплыли рыболовные шхуны, затем торговые корабли, уже проводившие некоторые исследования. Пионерами в этом выступили русский промышленник Михаил Сидоров, оплативший первое плавание, и английский капитан Джозеф Виггинс, его совершивший.

Михаил Константинович Сидоров

Джозеф Виггинс

В 1874 году он достиг устья Енисея.

Ныне Виггинс забыт даже в Англии (см.: [Stone, 1994]), что странно. Однако сто лет назад он был известен и удостоился биографии, где был назван первооткрывателем морского пути в Сибирь [Johnson, 1907]. Любопытно, что ещё до выхода этой биографии, в 1906 году, лейтенант Колчак писал точнее:

«такие авторитеты, как академик Бэр и адмирал Литке, признали вообще недоступным для навигации (Карское море – Ю. Ч.) и тем самым на несколько десятков лет задержали осуществление морского пути в Обь и Енисей, практическое значение которого доказал капитан Виггинс» [Колчак, 1906. Памятная записка..., с. 277].

В самом деле, рыболовы плавали и раньше, но возможность торгового судоходства доказал именно Виггинс. Он, кроме того, на обратном пути прошёл на северо-восток до широты 76°, указывая, тем самым, возможность пути к мысу Челюскин. Позже, в следующих плаваниях, он поднимался вверх по Енисею в лесную зону, что и запечатлел фотограф.

Обогнуть мыс Челюскин вскоре (1878 г.) сумел Эрик Норденшельд. Финансировал его Александр Сибиряков, тоже замечательный промышленник. Норденшельд сумел пройти, и тем самым открыть, весь СВ-проход. Этот подвиг лишь через 22 года решилась повторить РПЭ,

но неудачно (см. **Повесть**). Второй раз СВ-проход был пройден, притом с востока на запад, в ходе ГЭСЛО, с зимовкой у зап. Таймыра, лишь в 1914–1915 годах, то есть через 37 лет.

Плавание Ивана Толстоухова. Крест, установленный Толстоуховым в 1687 году, обнаружен отрядом штурмана Ф. Минина в 1738 году. Зимовье, обнаруженное в 1740 году Мининим, приписано им же Толстоухову. «Старое огнище» обнаружил С. Челюскин в 1741 году у входа в нынешний залив Миддендорфа. (Подробнее см. главу «По запретному пути» книги [Белов, 1969].) Оно могло быть оставлено как Толстоуховым, так и иным погибшим мореходом.

Не исключено, что его оставил кто-то, пытавшийся пройти из устья Нижней Таймыры на запад, к Енисею.

Знаменитый флотоводец Степан Макаров в 1897 году, за два года до снаряжения РПЭ, писал в докладной записке, что ледоколы вскоре смогут провести военный флот через Ледовитый океан в Тихий (Семанов С.Н. Макаров. М., 1972, гл. 9). Что ж, и великие люди бывают порою наивны. Зато Михаил Бруснев (о нём см. Повесть), возвращаясь из сибирской ссылки, написал о СВ-проходе в газету «Восточное обозрение» более здраво:

«В это время (весна 1904 г. – Ю. Ч.) в Иркутске в обществе горячо обсуждался вопрос о возможности прохода военной эскадры из Балтийского моря в Тихий океан через Северный Ледовитый океан. Колчак отрицательно отнёсся к этой идее. Проезжавший в это время М. Бруснев напечатал в "Восточном обозрении" по этому поводу обстоятельную статью, в которой доказал полную невозможность большой эскадре пройти мимо северного берега Азии» [Попов И., 1989, с. 228].

Это заключение Бруснева было итогом его работ в РПЭ и напоминает нам, что она тоже была попыткой овладеть СВ-проходом.

Трудность и длительность плавания мимо Таймыра привела в 1906 году лейтенанта Колчака, знаменитого участника РПЭ, к мысли обойти Таймыр по рекам. Рассуждая о будущих путях его освоения, он напоминал [Колчак, 1906. Памятная записка..., с. 285]:

«Несомненные трудности, которые могут встретиться при плавании у берегов Таймыра... обращают внимание на возможность обойти Таймырский полуостров с юга, пользуясь близостью и небольшой шириной водоразделов рек Енисея и Хатанги».

Среди конкретных путей он напомнил и «исторический путь с Енисея на Хатангу через Дудинку на озеро Норильское или Пясинское» (о чём поговорим в Очерке 2) и выразил надежду на его возрождение. Формально говоря, прогноз Колчака оказался начисто неверным и тоже наивным: в его время крупный пароход повсюду вытеснял лодку как торговое судно, а пути между верховьями рек осваивались в прежние века именно на лодках, которые перетаскивались посуху (волоки). Однако это ясно нам, а в годы молодости Колчака рассматривалось множество проектов возрождения старинных сибирских лодочных путей. Один из них даже был реализован – Обь-Енисейский канал, вырытый на месте одного из южносибирских волоков XVI века. Проект активно обсуждался в Иркутске во время пребывания там Колчака (подробнее см. [4–4, с. 132]), и тот вполне мог увлечься им и видеть что-то похожее на севере.

За всё время плаваний на Енисей (1874–1917) рейсов не было 14 лет (каждый третий год), за остальные 30 лет состоялось 122 рейса, из них 36 были чем-либо неуспешны [Марголин, 1949]. Тем самым, нельзя было считать Северный морской путь освоенным при царе даже в его западной части.

Последняя попытка устроить водный путь от Англии до Монголии по Ледовитому океану и Енисею состоялась в 1910–1914 годах, причём были начаты работы по углублению дна верховий Енисея (*Славин С. В. Плавания через Карское море и русско-монгольские отношения // Летопись Севера, 1949, № 1*). Однако такой путь опоздал, он теперь не мог спорить с тихоокеанским, поскольку от океана в глубь Китая были уже построены железные дороги.

Итак, история СВ-прохода закончилась сто лет назад. За прошедший век её настолько забыли, что важнейшие её экспедиции (ВСЭ, РПЭ, ГЭСЛО) с нею связывать не принято, а жаль. Началась же она, напомню, с того, что неведомые мореплаватели эпохи Колумба открыли мыс Скифский.

Очерк 2

Мыс Фаддея, или: Сотвори себе кумира

Совсем не смотрится Таймыр полуостровом, если включить широкие устья рек не в состав морей, как делают ныне, а в состав рек, как делали первопроходцы. Ныне принято считать, что главное – уровень воды, и там, где он равен морскому, там море. Первопроходцам же важно было иное: насколько опасны тут бури, какая тут водится рыба и можно ли тут пить воду или следует искать речку. Если рассмотреть на их лад, то страну между островом Сибирикова (вход в Енисейский залив, а лучше сказать – в устье Енисея) и островом Большой Бегичев (устье Хатанги, в том же смысле), то это не полуостров, а лишь закругление материка, такое же, как, к примеру, в низовье Амура.

К чему нам это? А к тому, что природа сама выделила страну Таймыр чётко не как полуостров, а как север материка, чем мы воспользуемся.

Страну делит огромный крест озера Таймыр (оно и дало стране имя), к северу от которого протянулся с юго-запада на северо-восток невысокий горный массив Бырранга. На востоке он выходит в море упомянутым закруглением, оно оканчивается берегом Прончищева. На юге от озера гор нет, есть лишь неровная возвышенность. Она понемногу переходит в Северо-Сибирскую низменность, уходящую в глубь материка далеко на юг, до самого плато Путорана, (а его рассматривают уже как северный край Среднесибирского плоскогорья) и на восток до самой реки Оленек. «Полуостров» тут ни при чём.

По югу Северо-Сибирской низменности протекают реки, образующие «южнотаймырский водный путь» с Енисея на Хатангу. Само название этого пути довольно ясно говорит, что Южным Таймыром наши предки звали, опять-таки, не часть «полуострова», а природную область материка. Об этой области у нас и пойдёт речь – как раз она, видимо, собрала ватагу наших героев.

К югу от озера Таймыр мы видим тундру типичную (сомкнутый растительный покров преобладает), а к северу – арктическую (средняя температура июля здесь составляет 4–6 °С, а растительность занимает не больше половины поверхности). Названия рек и гор тоже поделены озером: к югу местные, к северу русские, хотя есть, как узнаем далее, важное исключение.

А селения? Селений к северу от озера нет и, вероятно, никогда не было. Это значит, что там даже никто из неприхотливых и выносливых народов Крайнего севера зимовать не может. Не было никогда селений и на закруглении.

Архипелаг Северная Земля и полуостров Челюскин – это, геологически, один и тот же невысокий горный массив, частью затопленный (там, где пролив). Это хорошо видно на самых разных геологических картах, а на климатических видно, что оба – арктическая пустыня (средняя температура июля, как сказано в начале Очерка 1, не превышает 2 °С, а растения покрывают менее 1/5 поверхности). Никто не жил здесь до 1932 года, когда на мысе Челюскин открылась полярная станция, а впоследствии и пограничная застава (действуют поныне). В южной части полуострова Челюскин пустыня переходит в арктическую тундру. Летом тут живут песцы и олени, но никто на них не охотится. Судьбы исторические этих мест тоже кое в чём сходны: ни тут, ни там нет людей – ни жителей, ни сезонных охотников, ни местных, ни русских; но и тут и там когда-то люди появлялись. Кто они были, неизвестно ни тут, ни там.

Как мы уже знаем, на крайнем юго-западе Северной Земли, на мысе Неупокоева, до сих пор торчит поморский столб, вероятно вкопанный в XVI веке. Теперь пора узнать, что на крайнем юго-востоке полуострова Челюскин есть столь же важное место – мыс Фаддея: в XVII веке около него погибли мореходы, плившие, вероятно, на двух русских кочах.

От кочей ничего не осталось, почему же принято говорить, что на кочах? Да потому, что больше попасть сюда вроде бы не на чем. Это самая северная стоянка прошлых эпох (если не считать мыса Неупокоева, до сих пор не обследованного), на ней преобладают русские вещи, и понять, кто здесь погиб, очень важно. Разумеется, не из соображений престижа, а для понимания истории.

Поскольку находки обнаружены на острове Фаддея Северном и в заливе Симса (60 км западнее острова), будем называть всё предприятие плаванием Симса-Фаддея (ПСФ).

Сочетание найденных вещей ПСФ более чем странно, и замечательный писатель-полярник Зиновий Каневский²² изумлялся:

«Некоторые находки, сделанные в последнем лагере неизвестных мореплавателей, поражают безмерно». Больше всего он изумился наличию женщины: «Безымянная женщина... – согласитесь, тут есть место для размышлений о неразгаданной тайне» [Каневский, 1991, с. 20].

За Каневским никто, насколько знаю, ещё не последовал, и нам предстоит это сделать.

---

²² В молодости он зимовал на Новой Земле и лишился, отморозив, кистей рук и пальцев ног (его спутник замёрз насмерть), но сумел реализовать себя полностью. Мне случилось в 1991 г. беседовать с ним и удивиться его проницательности.

1. Место гибели и самые разные вещи погибших

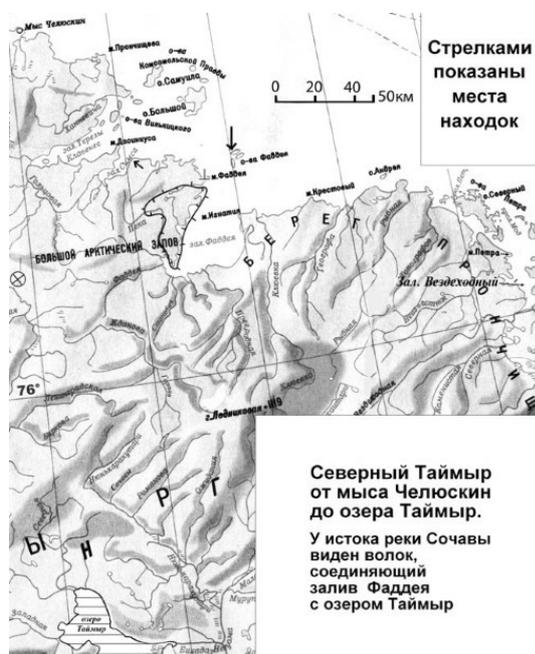
Мыс Фаддея назван в честь святого Фаддея, поскольку положен на карту в день его памяти (21 авг. ст. стиля). Было это в 1739 году, и сделал это лейтенант Харитон Лаптев²³, один из знаменитых командиров Великой северной экспедиции (ВСЭ), которой далее будет посвящен Очерк 4. Пока же замечу, что её корабль шел с юга, и что ему удалось добраться немногим севернее мыса Фаддея – дальше, к северу, простирались сплошные многолетние льды.

Что льды там не тают, Лаптев отметил вполне чётко:

«В 1739 г. до сего мыса... морем дошли, от которого простирается в летнее время лед стоячий, неломаный, а в 1740 г. и до сего места не допустил лёд: судно истерло» (ИПРАМ, с. 27),

и то же самое (с поправкой на погоду конкретного года) писали независимо Прончищев и Челюскин. Можно лишь удивляться тому, что после них 250 лет никто не обращал на это внимания, да и теперь мало кто обращает. А ведь для выяснения обстоятельств ПСФ это крайне важно.

Участники ВСЭ были уверены, что они тут первые, но через двести лет выяснилось, что это отнюдь не так. До середины XX века, почти до наших дней, на берегу островка, с которого виден мыс Фаддея, пролежали остатки лодки – видимо, с одного из тех кочей. Рядом в беспорядке валялось множество предметов XVII века. Нашла их в 1940 году, в начале Второй Мировой войны, советская гидрографическая экспедиция на судне «Норд». Островок у берегов каменист, основную же часть его занимает тундроподобная арктическая пустыня. Посещают его белые медведи, у берегов есть моржи и тюлени. Зовётся он «остров Фаддея Северный».

Карта 1. Места находок и путь по рекам

²³ Запись эта перешла из судового журнала «Якуцка» на карты и в справочники (напр. [Попов, Троицкий]), так что бытующее ныне утверждение, что мыс назван в честь Фаддея Беллинсгаузена, тогда ещё не родившегося, говорит лишь о падении культуры.

На другой год та же экспедиция «Норда» работала здесь снова. Она нашла, в 60 км к западу, на материке, на берегу бухты Симса, избушку, полную вещей, очень похожих на прошлогодние находки. И ещё – остатки трёх человеческих скелетов. Кто эти люди и как попали (за сто лет до ВСЭ!), сюда, на 500 вёрст севернее ближайшего зимовья? Чего искали в полярной пустыне?

Едва кончилась война, к находкам отправил Алексей Окладников, тогда уже хорошо известный археолог. С ним, кроме двух рабочих,

был всего один археолог (Вера Запорожская, его ученица и будущий соавтор), проявившая себя там хорошими зарисовками, но ничего не написавшая. Так что Окладников стал единственным археологом, поведавшим стране и миру об удивительных находках у мыса Фаддея. И навсегда таковым остался, ибо никто из археологов туда больше не ездил, а теперь уже и искать там, вероятно, нечего.

Большинство вещей русские, в основном, мужские, но есть и местные, в том числе женские. Они принадлежат то ли энке (энцы, «немирная самоядь» – непокорное племя, жившее тогда по притокам низовья Енисея), то ли нгансанке. Нганасаны кочуют по всему югу Таймыра до сих пор (см. **Прилож. 1**).

Есть вещи и из Западной Европы: это кремнёвые ружья, три из шести компасов, тонкие дорогие ткани, мужской башмак на высоком каблуке, посуда с западными клеймами и счётные жетоны.

Меховой одежды и обуви нет – одна рукавица, зато есть шёлк, золотое шитьё, английское сукно, ювелирные пуговицы, шахматы, изящные перстни и серьги (русские женские), шпичики, нагрудные кресты (один золочёный, был украшен камнями, другой перламутровый) и множество русских монет XVI–XVII веков. Всё это говорит о состоятельных горожанах, включая иностранцев, возможно, с жёнами, но не о полярниках.

Многие вещи выдают людей совсем иного круга – местных жителей тундры. Костяные наконечники стрел, колчан²⁴ и санки, сделанные, как записал эксперт, «опытной рукой северянина», выдают коренных таймырцев, а насторожки (части от ловушек) – охотников русских. Масса собольих и песцовых шкурок указывает уже не на охотников, а либо на приказчика, вёзшего собранную (ясак) и скупленную пушнину, либо на крупного вора. А обрывок стрелецкого кафтана – на его охрану. Деревянная булава²⁵ говорит о казачьем атамане.

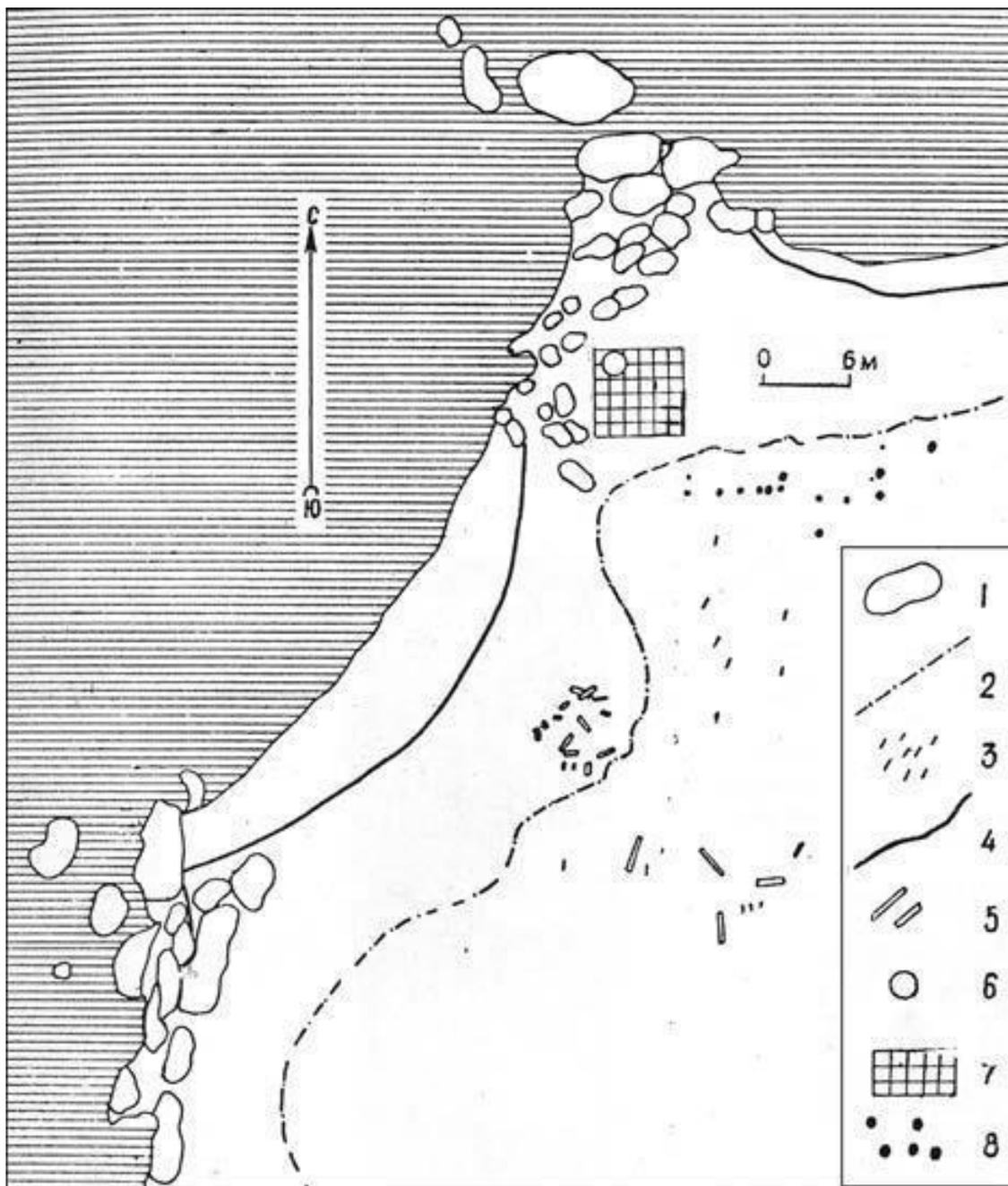
²⁴ «Передняя его сторона орнаментально вырезана в виде четырех дугообразно вогнутых выемок, разделенных посередине стреловидным выступом с ромбическим завершением» [Окладников // ИПРАМ, с. 12]. В статье об оружии этот колчан не упомянут, а, другие, тоже явно не все русские, не охарактеризованы.

²⁵ То был деревянный стержень 40–50 см длиной с навершием в форме тяжелого десяти-сантиметрового чёрного шара [ИПРАМ, с. 26]. С такой формы булавой изображён гетман И.Е. Выговский (фото см. далее), но у него шар золоченый, с добавочным малым навершием. Подобные булавы были обычны и у казачьих атаманов разных уровней.

Место находок на острове Фаддея Северном

Собрана пушнина тоже в очень разных местах, ибо песец водится в тундре, а соболь в тайге. Заметьте: меха возили из Сибири в Европу, а ювелирные изделия – наоборот. Стрелы с костяными наконечниками ни туда, ни сюда не возили, их делали и применяли на месте, из того, что растёт поблизости. Однако, вот удивительно: есть две стрелы из кедра, из него же выстроганы и полавки, а он растёт не ближе зоны Урала.

Карта 2. План находок на острове Фаддея Северный.

1 – камни; 2 – граница тундры; 3 – древний плавник; 4 – граница древнего галечного вала; 5 – остатки лодки; 6 – гурий; 7 – раскоп; 8 – поплавки от сети

Остатков русской женской одежды практически нет²⁶ (но остатков одежды вообще здесь очень мало), зато много русских женских украшений. Все они изящны и все в одном экземпляре, чем легко отличаются от дешевых серийных украшений, предназначенных участниками ПСФ для обмена.

Наличие женщин вообще ставит в тупик. Пишут иногда, что женщина была всего одна, а потому она, видимо, была переводчицей. Допустим (хоть при наличии местных мужчин это слишком произвольно), но зачем при ней был энецкий сарафан алого шёлка? Сохранился и

²⁶ Окладников упомянул только фрагмент золотых кружев [ИПРАМ, с. 28], но о нём молчат и перечень вещей, и статьи о тканях. Видимо, как и многие другие ценные вещи ПСФ, фрагмент утрачен при доставке в Красноярск.

пояс алого шёлка с золотыми нитями. Не надо ли поставить этот богатый наряд вместе с дорогой городской одеждой мужчин? Не вернее ли, в таком случае, что люди ехали со всеми пожитками и жёнами? Тогда перед нами не экспедиция, а переселение или бегство.

Ненецкая сумочка (залив Симса, реставрирована). Складывалась втрое, подобно бумажнику. в ней обнаружено огниво. Материал – разноцветное западное сукно, а узор ненецкий. Вероятно, сшита в ходе плавания жителем (жительницей) нижнего Енисея или южного Таймыра

Самое же удивительное, что в бухте Симса нашли обрывок истлевшего документа, на котором можно приблизительно прочесть: «жалованная грамота». Обрывок был заткнут в ножны большого ножа – видимо, чтобы тот, истончившись от употребления, не выпадал из ножен. Так мог поступить только неграмотный. Нет, не просто неграмотный (любой помор, казак или стрелец знал, сколь жизненно важен всякий документ), а человек, совсем далекий от русских правовых обычаев. Такие люди (коренные жители) в ПСФ были, но как получилось, что им на растерзание досталась «жалованная грамота»?

2. Кто они и как сюда попали?

Естественно, находки породили много слухов, частью попавших в печать. Мне случилось читать когда-то, что там были стрелецкие алебарды и что собольих шкурок было 10 тыс. Тоже странно. Перегруженный мехом коч в полярной пустыне, на нем люди без теплой одежды, зато с алебардами, в западном сукне и персидском шелке, но не ведавшие, что такое документ, – побудило меня лет 20 назад попробовать разобраться, что там было на самом деле.

Вещи, оказалось, принадлежали *пяти группам людей*: иностранцев из Западной Европы, русских из Европейской России и из Северной Сибири, коренных жителей из тундры Таймыра и из Северного Приобья (последняя группа самая малозаметная²⁷). И прежде чем строить догадки, как эти люди попали сюда, следует выяснить, как они смогли оказаться вместе.

Вопросов и ответов возможно много, не все совместимы, но не будем поддаваться соблазну спорить ради спора. Лучше применим тот же метод, что и в Очерке 1: не будем громоздить детали, допускающие различные толкования, а ограничимся выявлением *ядра* события (см. Пролог), то есть теми из достоверных фактов, которые необходимы для уяснения сути дела, и теми суждениями, какие не противоречат ни одному из достоверных фактов и друг другу.

Ключом для начала выявления ядра события послужит нам денежная казна, то есть 3½ тысячи серебряных монет (копейки и полукопейки – более крупных в то время в обороте не было). Первым, кто исследовал найденные на обеих стоянках монеты, был красноярский этнограф Борис Долгих. Он заметил, что накопление казны шло очень неравномерно. В его таблице ([Долгих, 1943], дана здесь с уточнениями) находим:

1105, чеканенных при Иване Грозном (21–22 монеты на год правления)
641 при Фёдоре Ивановиче (45–46 монет на год правления)
877 при Борисе Годунове (125 на год правления)
134 при Лжедмитрии I (за неполные 11 месяцев его правления)
328 при Василии Шуйском (82 на год правления)
86 при интервентах (1610–1612, около 40 на год правления)
161 при Михаиле Фёдоровиче, правившем с 1613 года (все монеты – до денежной реформы 1626 года, т. е. по 11–12 монет на год его правления).

Позже там были найдены монеты ещё, но картины это не изменило.

Как видим, владелец копил деньги – сперва мало, затем всё больше и больше, а под конец всё меньше и меньше. Значит, перед нам не *торговая* казна (не, так сказать, кошелек владельца, в коем всегда преобладают монеты недавних лет), а *сохранная* (итог накопления и, обычно, утаивания – см. **Прилож. 2**). По составу такой казны можно судить лишь о самой ранней дате, когда владелец мог отплыть в Арктику, но и только. Он мог, пообедав, перестать копить, спрятать казну или жить, тратя накопленные деньги. По монетам достоверно лишь то, что наши герои отплыли *не раньше* 1617 года²⁸. Оценку «не позже» следует искать в иных фактах, вне казны, и она будет существенно более поздней.

Зато благодаря казне финансовый портрет её владельца (если, что вернее всего, он был один) довольно ясен: небогат, из аккуратной семьи (три десятка рублей копились около 70 лет),

²⁷ О ней говорят 3 предмета: кедровые стрелы, сарафан «зырянка» (позже он стал на Таймыре обычным, но находка ПСФ первая) и бронзовое зеркало из Средней Азии. Если искать их среди предметов ПСФ специально, могут найтись ещё и другие.

²⁸ Судя по чекану, последние монеты отчеканены не ранее 1615 г. [ИПРАМ, с. 127], а ведь им надо было ещё попасть на дальний Север. Поскольку казна была предметом хранения, она могла лежать у владельца много позже этой даты, чем и пользовались многие авторы гипотез о времени ПСФ. Однако важнее то, что монеты ничего не говорят о том пути, каким оно следовало, – северным или южным.

при Годунове и Лжедмитрии был, вернее всего, на государственной службе в центральной России, но не разбогател. Пик обилия, пришедшийся на монеты Лжедмитрия I, почти однозначно указывает на присутствие владельца при тогдашних московских раздачах денег народу. Вероятно, при Шуйском выгодную службу потерял, но явно не бедствовал (немного, но копил, и есть даже 5 монет Минина и Пожарского, недолго чеканенных в Ярославле). Затем, вернее всего, тратил накопленное. Все и всегда тратят новые монеты, приберегая старые как более ценные (видимо, оттого их и мало).

Когда он попал на север Сибири, тоже довольно ясно: вскоре по воцарении Михаила копить почти перестал (монет совсем мало), а затем, быть может, даже начал их тратить (он мог быть сослан в Сибирь за то, что служил полякам, как был сослан князь Куракин – см. Очерк 1). Естественно, тратил он монеты новые – старые не только содержали больше серебра, но и могли привлечь внимание к их владельцу, к его сбережениям. Структура казны сложилась до начала ПСФ: то, что он платил после, осталось у его попутчиков, то есть в той же казне, что попала к нам.

Как владелец казны попал в Ледовитый океан? Ведь ни мореходом, ни сибиряком он явно не был. Тут-то и надо вспомнить обрывок документа – он написан скорописью на простой (правда, хорошей) бумаге, а потому не мог быть самой жалованной грамотой. Но именно этим он нам и важен. Жалованную грамоту давал царь, она предоставляла владельцу какую-то льготу (например, свободу от пошлин на таможенных) или привилегию (например, право разрабатывать некий природный ресурс). Наш герой явно был для обладания такой грамотой мелок, но мы и видим вовсе не её, а нечто, её упоминавшее. Вернее, что он был приказчиком некоего важного человека (воеводы, дьяка или крупного купца), имевшего жалованную грамоту от царя. Такую практику описал историк Арктики Михаил Белов в ИПРАМ:

«В Мангазейском архиве имелась жалованная грамота московским купцам братьям Федотовым, помеченная августом 1632 г., на право беспрепятственной торговли». «Иногда торговые люди поручают свои дела на "заморских" реках опытным мореходам, нередко открывавшим туда дорогу».

Вероятно, что и в нашем случае обладатель жалованной грамоты дал кому-то письменное поручение, где на неё ссылался, и обрывок этого поручения впоследствии попал в ножны совсем иного человека, неграмотного и несведущего. Такая бумага была, конечно, весьма полезна для показа местным служилым в качестве «проезжей» (грамоты на право проезда в нужное место, которую выдавал обычно воевода) на заставах и в зимовьях, но заведомо не могла помочь вывезти в Россию ту массу соболей, что обнаружена на острове Фаддея.

А вывезти кто-то хотел. Не только соболей, но и несколько дорогих вещей, возможно, краденых. Таковы, например, кресты – золочёный и перламутровый. Они слишком роскошны для простого попа, да и нет среди находок других следов попа – ни утвари, ни облачения. Есть две складные иконы, но это обычные дорожные вещи состоятельных мирян.

Главное же – воровской выглядит масса мехов. Будь она законной, дешевле бы и проще уплатить пошлину, чем затевать очень дорогую и опасную поездку в Ледовитое море. И велика добыча для небольшой группы охотников: шкурки больше тысячи (см. **Прилож. 2**).

Кем они были

Какие же люди там были? Несколько фигур хорошо видны.

Прежде всего, это упомянутый московский служилый (он мог быть владельцем и денежной казны, и «грамоты»). Вряд ли он был тем же, кто хотел вывезти пушное богатство – слишком различны масштабы их дел: один накопил три десятка рублей в центральной России, а другой раздобыл на несколько тысяч рублей соболей в сибирской тайге и решил их вывезти.

Желавшим вывезти был, возможно, обладатель атаманской булавы. Он мог быть сам владельцем сокровищ, а мог быть всего лишь стражем некоего богача или приказчика. «Воровских казаков» тогда на севере Сибири хватало (см. **Прилож. 2**), но наши путники отличались от них необычным видом – прежде всего, богатой одеждой, не подходящей их делу и климату, и новейшими ружьями, кремнёвыми. Кто-то из них играл в шахматы, кто-то торговал иностранным товаром и носил иностранную обувь – вот ещё одна колоритная фигура. Возможно, иностранцев было несколько.

Если, как все признают, путники прибыли к местам наших находок морем (а не с берега в лодках), то надо признать, что среди них были опытные мореходы – иначе недалеко бы они уплыли. Однако образ морехода никак не вяжется с образами московского служилого и атамана (ни казачьего, ни разбойного). Вернее, что мореходами была ещё одна группа людей.

Сложней с коренными таймырцами – зачем им в Ледовитое море? Незачем, но их легко обмануть, наняв на якобы недолгую поездку в качестве слуг и проводников, притом за хорошую плату европейскими товарами. Такой обман мы увидим далее, в Повести. Возможно, однако, и иное.

Дело в том, что песец и соболь добыты порознь, ибо вместе они нигде не водятся. К тому же песец на порядок дешевле соболя, и охотники на них разные, как и покупатели. Либо на кочах поместились две «воровских» казны (соболья и песцовая), либо, что вернее, вторая законно принадлежала таймырцам. Это реально, так как до 1640-х годов песцов брали в ясак мало и неохотно (с жителей тундры предпочитали брать в ясак выделанные олени шкуры), поэтому таймырцы, если добыли гору песцов, думая их продать, могли оказаться ни с чем и стремились любым путем попасть туда, где продажа возможна.

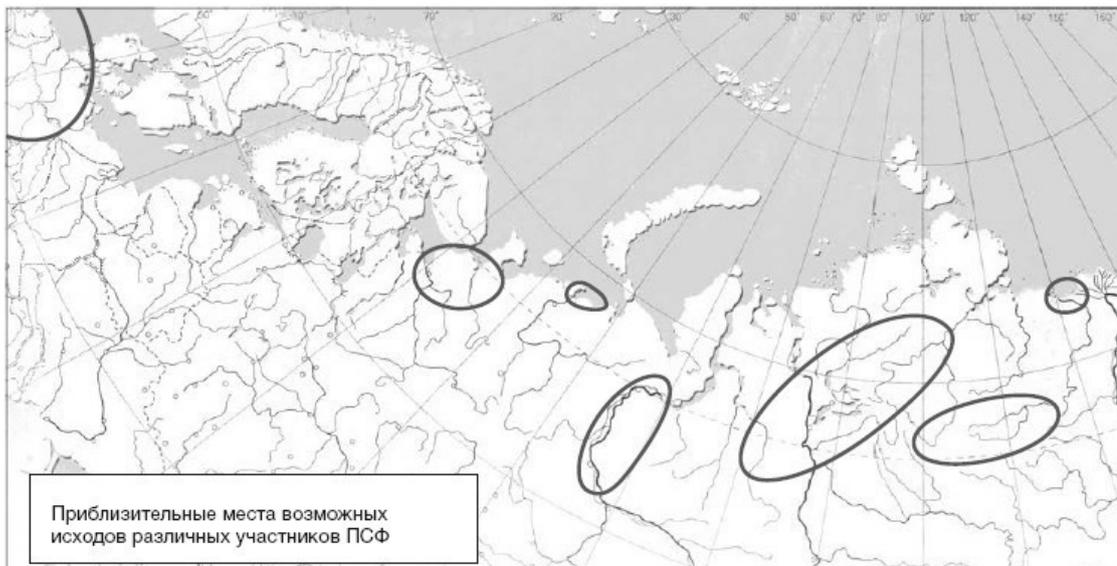
Что касается женщины, то, как уже писали многие, она была, вернее всего, чьей-то женой и выбор имела небогатый – потерять мужа либо плыть с ним. Но могла быть и ясыркой (пленной рабыней). В Очерке 5 мы узнаем, что в Восточной Сибири предводители отрядов нередко плавали с ясырками. А самой известной ясыркой была персидская княжна (или царевна [Голландцы..., с. 55]), которую в пьяном угаре утопил Степан Разин в Астрахани.

Как в море оказались вместе атаман, мореходы, заморский торговец, московский служилый и жители тундры, примерно ясно: все они были вынуждены собраться воедино, чтобы вырваться из места, где их трудности не решались – одни (поморы, иностранцы) рвались домой, другие спасти сокровища, третьи заработать. Но кто из них владел мехами? Откуда и куда они плыли? Неясностей много, фактов мало, и остаётся попробовать метод, уже применённый в Очерке 1 – сопоставить загадки и решать их вместе. Как и там, не будем отстаивать единственный вариант, а будем искать истину в форме выявления упомянутого выше ядра явления, то есть искать то общее, что присутствует во всех вариантах, какие согласны с фактами.

* * *

Проехать незамеченной, с грузом, такая ватага не могла: путей было мало, и на каждом власть стремилась поставить острог или зимовье сразу же, как только о нём становилось известно. Но ведь ватага проехала и попала в море, так что надо пытаться понять, как именно. Точно мы этого никогда не узнаем, однако нужно и можно выяснить спектр возможностей, и он невелик.

Основных предположений о пути ПСФ было высказано до сих пор два: наши герои приплыли к местам находок по морю либо с юга, мимо мыса Фаддея (*южный путь*), либо с севера, мимо мыса Челюскин (*северный путь*). У обоих предположений есть по несколько вариантов, но никто, кажется, не спросил себя: мог ли быть третий путь, не с моря? О нём скажу далее.

Приблизительные места возможных исходов различных участников ПСФ.

Делалось и два предположения о назначении неведомой экспедиции – поисковое (землепроходцы) и торгово-охотничье. У каждого тоже есть варианты, но ни один из них не ответил на поставленные выше вопросы, поэтому вот третье предположение, ранее никем не предлагавшееся: наши герои – *беглецы*. При этом многое встанет по местам, и потому оно будет у нас главным.

На мой взгляд, обе находки у мыса Фаддея оставлены людьми, которые отнюдь не собирались в Ледовитое море и ушли туда вынужденно, не видя иного способа спасти себя и свои ценности. Оттого они оказались столь неподходяще одеты и обуты, потому везли с собою женщин, потому у них было столь странное обилие предметов. Другого способа объяснить весь набор загадок мне не видно, однако возможно, что кто-то его ещё предложит.

Вернее всего, беглецы везли краденое и потому бежали от властей, но возможен иной вариант: груз, стража и предполагавшийся путь наших героев были законными, а стать беглецами им пришлось, уходя от опасности – например, от разбойников. Пропажа отряда с солидной казной должна была попасть в донесения, однако переписка могла до нас не дойти, да никто её и не искал. Итак, все наши путники, чистые и нечистые, сбились в плывущую горстку, словно на Ноевом ковчеге. Теперь познакомимся с тем, что они везли, ближе.

3. Охота на соболей и на людей

Известно, что русские шли в северную Сибирь прежде всего за соболем («соболь – это алмаз в короне лесного царя» [АР-2, с. 161]) и что моря Арктики были им нужны прежде всего как дорога к устьям сибирских рек. В начале XVII века устья стали труднодоступны, но современники так и не смогли усвоить причины этого – см. Очерк 1. Столь же известно, что соболей русские добывали тремя путями – либо охотились сами, либо меняли их у местных жителей на европейские товары, либо отбирали у них соболей как ясак.

Менее известно, что соболь – зверёк весьма уязвимый, ибо размножается медленно. Если белку столетиями вывозили из Сибири ежегодно миллионами шкурок, а она как водилась по всему лесному Северу, так и водится, то соболь почти вымер, хотя его вывозили, самое большее, по двести с небольшим тысяч шкурок в год, да и то очень недолго [АР-2, с. 161–162].

И уж совсем редко прочтёшь, что с собою русские принесли и свой приём охоты – посредством западни. Он гораздо более истребителей, нежели приёмы туземные (лук и сетка) [Бахрушин Л., 1928].

Соболь был главным предметом российской внешней торговли, и московские власти требовали его всё больше и больше, тогда как в тайге его становилось всё меньше и меньше. Обычно уже лет через 10–15 после «объясачения» данной местности приказчики писали воеводам, что собрать прежний ясак невозможно, так как «соболь опромышлялся». Но Москве был нужен соболь, а не отговорки, так что нормы ясака менялись гораздо позже, чем требовала природа, менялись тогда, когда собирать уже было нечего; более того, когда население, неспособное выполнить норму, бунтовало, а подавить бунт не было сил. Сама же охота вообще никак не ограничивалась.

В итоге шла сущая война российской власти с природой и местным населением. Главным приемом было взятие в аманаты (заложники) «лутших мужиков» и их сыновей, то есть туземной верхушки. Арабские слова *ясак*, *аманат* и *ясырь* (пленник, ставший рабом), принесенные в Сибирь иртышскими татарами (русские покорили их вскоре после похода Ермака), стали общим ужасом от Урала до Чукотки. Больше всего брали в рабство женщин (отнимая их у мужей) и девушек, но забирали и девочек (см. **Прилож. 1**).

Оправдания государству не вижу, а вот некое оправдание казакам и стрельцам, когда они зверствовали, могу всё-таки высказать. Их собственное положение было не всегда лучше, чем туземцев, сами они порой бежали в укромные места, чтобы сколько-то спокойно пожить, пока их внуков не найдёт вездесущая власть. Многие уходили воевать новые земли, пока те ещё были.

Особенно знамениты казаки Семён Дежнёв и Ерофей Хабаров. Последний, прежде чем прославиться походом на Амур, стал известен туруханским властям, успешно объясачив жителей Южного Таймыра. В 1628 году молодой Хабаров собрал ясак на реке Хетё, главном водном пути Южного Таймыра, причём не только с коренных народов, но и с русских, которые (запомним это!) уже тогда укрывались там от российских властей [Белов, 1977, с. 62–63].

Вот в какой обстановке оказалась добыта тысяча с лишним (а вероятнее, несколько тысяч) соболей наших беглецов. Для всего Туруханского края это было не так уж много, так как из него в Россию доставлялось гораздо больше: в 1630 году 44 тыс. шкурок, а в 1638 даже 48 тыс. [Бахрушин С. // ИПРАМ, с. 85]. В этой добыче доля дальнего угла, бассейна Хеты, была ничтожна: вся Хетская округа, где тайга переходит в лесотундру, сдала в ясак за 1632 год всего лишь 219 шкурок соболей [Троицкий, 1987, с. 15]. Следовательно, там добыть тысячу соболей было невозможно – не нашлось бы ни людей, ни лесов. Значит, соболей везли из более южных мест – вернее всего, с Котуя. Легко представить, сколь желанной добычей был отряд, везущий столь огромное богатство.

Хета и Котуй, сливаясь, образуют Хатангу, а та впадает в Ледовитое море. Её бассейн стал известен русским уже в первые годы XVII века (см. далее), а стало быть, его знали и наши герои.

4. С краденым богатством – в ледяной ад

Что и говорить, 34 рубля – не те деньги, какими обычно ворочает русский торговец в Сибири XVII века, но и на них можно купить в России дом и обустраиться. Лишь бы снова попасть туда. Только как попасть? Для возврата в Россию служилый должен был пристроиться к какой-то группе, и вариантов было всего три: торговцы, служилые и разбойники. Видимо, владелец казны выбрал последних. Почему, можно лишь гадать, чего мы делать не будем.

По-моему, для понимания сути происшедшего достаточно учесть тот известный факт, что уехать в европейскую Россию законным образом можно было только с проезжей грамотой, выданной именно туда, в Россию, а её получить мог только законно отпущенный. Если же он уезжал по своей воле, то ему оставалось одно – примкнуть к разбойникам.

Мореходы тоже, надо полагать, выбрали в попутчики разбойников, и причину этого понять как раз довольно просто. Как мы уже знаем из очерка 1, к 1620 году «морской ход» в Сибирь и обратно перестал существовать, как юридически, так и физически. В Мангазее стало весьма трудно попасть и ещё труднее из неё вернуться.

О том, как выбирались назад те, кто застрял в Мангазее, мне неизвестно, но имелись лишь два возможных пути – либо «через Камень», либо через Тобольск. Первый путь был в то время заброшен, и его ещё предстояло обустроить (РИБ, стл. 1076), а значит, транспорта для большой группы там было не найти. Второй же путь означал, в лучшем случае, полное разорение на дальней дороге и множестве застав, а в худшем – дыбу и плаху.

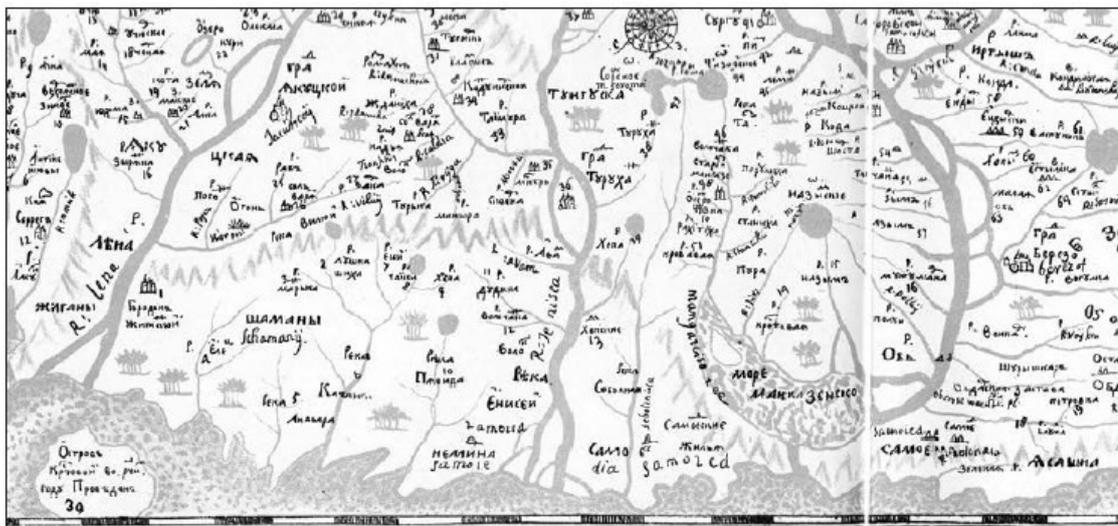
Конечно, взгляды многих застрявших устремились на восток, и освоение Пясины (Северо-Сибирской низменности) ускорилося. В итоге «к концу 1620-х гг. русские прочно осели по всему течению р. Хеты» [Белов // ИПРАМ, с. 46]. Там, полагаю, наши путники соединились, и польза очевидна: один, небогатый служилый, показывает на заставах казённую грамоту, разрешавшую проезд по Сибири, и называет разнородную ватагу своими «товарищами» (работниками) и стражей; другой, владелец товаров, за всё платит; третий, богатый разбойник, избегая показываться государевым людям, командует всеми и везёт краденое, куда ему надо (к морю). А там уж главными окажутся четвёртые, мореходы.

Поскольку в Сибири потратить огромное богатство невозможно, а везти его в Россию через низовья Енисея или Оби и, тем более, «через Камень» бессмысленно (поймка почти неизбежна), беглецам остается выход в океан через бассейны Пясины или Хатанги. Но первый целиком лежит в тундре, и коч там построить не из чего. Совсем иное дело бассейн Хатанги: там есть лиственницы (главное, есть они на Хете), и кочи там действительно строили. На Хету владельцы соболей могли прибыть, вернее всего, по реке Котуй, а остальные – южнотаймырским водным путём, через реку Волочанку.

Стоит заметить, что в XVII веке расстояние по морю между устьем Хатанги и устьем Пясины вовсе не считали огромным, поскольку про огромный Таймыр не знал тогда никто – см. фрагмент составленной Семёном Ремезовым карты Сибири (карта 3). Точно так же, как никто не догадывался и о глобальном похолодании, делавшем старые сведения о проходимости Ледовитого моря ложными.

Зато всем было известно, что каждая река, от Онеги до Пясины, рано или поздно приведёт к Студёному морю, берег которого весь направлен с запада на восток, к тому морю, где Пустозёрск и Архангельск, где соболей можно тайком продать «немцам» и где есть пути в Россию. Туда же, можно полагать, стремились и охотники-таймырцы с горой своих песцов.

Но Хатанга тоже течёт в Студёное море – тут и должен был видаться беглецам способ обойти все остроги, заставы и таможи. Пройти от Хатанги до Пясины им, вероятно, казалось не сложнее, чем от Пясины до Енисея, а это, как они должны были слышать от старых людей, было когда-то выполнимо.

Карта 3. **Фрагмент карты Ремезова, около 1670 г. Север снизу.**

Нанесены реки: Лена с Жиганском и Якутском, Елец (Оленёк), Анабар, Хатанга, Пяси́на, Енисей с Туруханском и Таз с Мангазеей. Однако страна Таймыр отсутствует: изгиб берега между Пясиной и Хатангой намного уступает изгибу между Енисеем и Пясиной (тому выступу, где ныне посёлок Диксон). Слова *Немина замое* – сокращение: на других экземплярах читается: *Немурная* самоедь [Миддендорф, с. 35], т. е. энцы.

Похолодание вынудило промысловиков и торговцев обратить свою активность к рекам Южного Таймыра, и мы видим очень быстрое проникновение их к морю Лаптевых. Среди причин этого историки справедливо называли желание обойти произвол приказчиков. Верно, но нельзя забывать и основного: все эти места были давно известны, но в документы попали лишь после запрета Ямальского волока в 1619 году (см. Очерк 1), когда таможенная служба сместилась из Мангазеи на восток.

Никто не знает, когда эти места были достигнуты русскими, но уже Исаак Масса, покинувший Россию в 1609 г., называл «огнедышащую гору» к востоку от Енисея, и она, в самом деле, есть – на речке Огнёвке, впадающей в Хатангскую губу [Скалой, 1951, с. 32]. Первое упоминание Хатанги в ясачной книге относится к 1611 году [Белов, 1956, с. 128].

В наши дни норильский издатель и краевед Станислав Стрючков пишет:

«Много веков назад на пясинских берегах начали селиться люди – русские переселенцы из западных районов страны, стремившиеся найти здесь долгожданную вольницу. [...] к десяткам русских поселений на реке Пяси́не потянулись кочевники, тунгусы и самоеды в надежде на выгодный товарообмен. В результате ассимиляции (кровосмешения) этих народов с русскими образовался новый субэтнос – затундренные крестьяне, первое документальное упоминание о которых относится ещё к 1610 году. Кстати, затундрой в те времена называли всю территорию как Пясинской, так и Хатангской водной системы». (Стрючков С. А. Затундра. Путевые заметки // Заполярный вестник (газета, Норильск), 2.09.2011).

Добавлю, что затундренные крестьяне вложили свой генофонд в формирование некоторых народов Таймыра [Народы России, с. 149, 285], а для этого они к 1600 году уже должны были расселиться по Южному Таймыру, включая Хатангу. И действительно, недавно в её низовье найдено бревно в русском срубе, росшее до 1585 года. Видимо, полагают авторы, это самая

ранняя дата появления русских в низовье Хатанги [Мыглан, Ваганов, с 181]. Она могла послужить и местом отплытия ПСФ. Мысленно проследуем по ней.

* * *

Имея деньги, меха и обменный фонд, на Хете можно обзавестись товарами из Туруханска (мука, соль, порох, свинец) и кочами, построенными здесь же. На них можно сплыть вниз, в зимовье – оно первоначально называлось Пясинское и, вероятно, располагалось на месте нынешнего поселка Хатанга [Белов // ИПРАМ, с. 44]. Там, щедро заплатив приказчику (якобы из почтения, а на самом деле, дабы не проверял груз), можно пройти вниз. Приказчик вряд ли посмеет возражать ватаге с ружьями, а чтобы не послал он тайком гонца с доносом, нужно показать ему «грамоту». Но зимовать там нельзя – за зиму так или иначе содержимое кочей станет всем известно.

Зимовать можно только в совсем безлюдном месте, и таковое нашлось – это остров Большой Бегичев. На его юго-восточном берегу сто лет назад (1908 г.) Никифор Бегичев (о нем пойдёт речь в Повести) обнаружил избу с предметами XVII века (см. **Прилож. 3**). Отсюда до мыса Фаддея при удаче можно пройти в одно лето, а можно и застрянуть во льдах, что показала ВСЭ через сто лет после ПСФ, показала при почти тех же условиях.

За мысом Фаддея кочи, как видно, потеряли друг друга во льдах и тумане. Один, видимо, затонул у бухты Симса. Судя по отсутствию здесь массы соболей, спасти удалось немного. Вернее всего, часть людей здесь погибла, включая атамана и служилого – брошены оказались и булава, и грамота. Точнее, булава осталась лежать на вершине холмика – не на могиле ли?

Заведомо спаслось трое, но их могло быть больше. Они построили избушку, в каковой трое оставшихся умерли, но кто-то из спасшихся мог уйти по суше, пытаясь выйти к людям. Судя по малому количеству остатков пищи (за печкой лишь горка песцовых костей, в ней 10 песцовых черепов), оставшиеся умерли ещё до Рождества, голодные и замёрзшие.

По всей видимости, двое съели третьего: крышку одного из черепов Окладников нашел наполненной «культурным слоем» избушки, а кости – по всей избе. (В печи он обнаружил обгорелую кость, похожую на теменную кость человека, но никакой догадки не высказал. Четвёртый череп?) Словом, в тот ад, который, как они верили, уготован грешникам, страстотерпцы отправились из жутко реального ада, ада ледяного, худшего, чем описан у Данте.

Сложнее понять, что стало со второй группой. На острове Фаддея лежали остатки небольшой шлюпки и огромная сгнившая масса пушнины, вряд ли на ней (вместе с людьми) уместившаяся. Монет здесь найдено меньше, чем у избушки, а ценностей больше, и это наводит на мысль, что приплывшие выложили (в одежде, разложенной для просушки) далеко не все монеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.